

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

Переводческий факультет

Кафедра перевода английского языка

Дипломная работа на тему:

**Речевые характеристики героев как одно из средств организации
сюжета и связанная с этим проблема перевода (на материале перевода с
английского языка на русский глав романа А. Леви «Маленький остров»)**

по специальности 031202 «Перевод и переводоведение»

Автор: ВОЛОДИНА Виктория Вадимовна
группа 1-10-6 а/шв

Научный руководитель:

Литвинова М.Д.,
профессор кафедры перевода английского языка

Рецензент:

Псурцев Д.В.,
профессор кафедры перевода английского языка,
доктор филологических наук

Москва 2013

ОТЗЫВ

о дипломной работе студентки группы 1-10-6 а/шв
переводческого факультета
Володиной В.В.

Дипломная работа студентки группы 1-10-6 а/шв Володиной В.В. на тему: «Речевые характеристики героев как одно из средств организации сюжета и связанная с этим проблема перевода (на материале перевода с английского языка на русский глав романа А. Леви «Маленький остров»)» отвечает требованиям, предъявляемым к дипломным работам, и может быть допущена к защите.

Научный руководитель
профессор кафедры перевода
английского языка
Литвинова М.Д.

15 апреля 2013 г.

Оглавление

Введение.....	с.4
Глава 1. Теоретические основы исследования языка героев романа «Маленький остров».....	с.7
1.1. Современное литературоведение о терминах «сюжет» и «фабула»...с.7	
1.2. Язык нарратора в художественном произведении.....с.10	
Глава 2. Роман «Маленький остров» и его герои.....	с.13
2.1. Общая характеристика романа.....	с.13
2.2. Нарраторы в романе.....	с.14
2.3. Речевые характеристики героев-рассказчиков.....	с.15
2.3.1. Язык англичан.....	с.15
2.3.2. Язык ямайцев.....	с.16
2.3.2 (а) Язык Гортензии.....	с.18
2.3.2 (б) Язык Гилберта.....	с.29
Глава 3. Анализ перевода устной и повествовательной речи главных героев..с.32	
3.1. Способы передачи диалектальной речи при переводе на русский язык.....	с.34
3.2. Перевод особенностей речи рассказчиков-героев романа.....	с.35
3.2.1. Передача речевых характеристик Гортензии.....	с.36
3.2.1 (а) Мезолектальный креольский язык.....	с.36
3.2.1 (б) Ямайский английский	

язык.....с.44

3.2.2. Передача речевых характеристик

Гилберта.....с.49

3.3. Выводы по Главе

3.....с.51

Заключение.....с.53

Библиография.....с.54

Приложение 1. Текст перевода глав романа А. Леви «Маленький остров».....с.57

Приложение	2.	Текст
оригинала.....	с.100	

Введение

Наше исследование посвящено передаче речевых характеристик героев художественного произведения при переводе с английского языка на русский. Речевые характеристики нередко являются одним из средств организации сюжета: они помогают автору ярче проявить характер героя, дополнить и углубить его образ, сделать его более убедительным. Читатель по представленной в произведении речи героев может судить и об их происхождении, образовании, социальной принадлежности и т.п.

Актуальность исследования обуславливается тем, что отечественные и зарубежные лингвисты не раз обращались к вопросу передачи речевых особенностей персонажей при переводе, однако четких принципов на сегодняшний день не выработано — путь, по которому идет переводчик в каждом конкретном случае, зависит от характера этих особенностей.

Новизна в нашей работе имеет отношение не только к области теории перевода, но и к области литературоведения: в оригинале наблюдается очень редкое построение сюжета — одни и те же события описываются людьми разных национальностей и социальных групп. Отсюда различия в их речи, которая становится лингвистическим инструментом для создания характеров, вырисовки особенностей их общения и личностного развития. Новизна еще и в том, что язык героев ямайского происхождения представляет собой уникальное явление, будучи одновременно и диалектом английского языка, и основным языком коренного населения Ямайки, причем он имеет еще и местные, социальные говоры. Это ставит перед переводчиком совершенно особые трудности. Никаких рекомендаций, которые подсказали бы, как справиться с подобными трудностями, нам найти не удалось. Так что приходилось решать задачи самостоятельно, руководствуясь, в первую очередь, главным принципом нашей профессии — как можно точнее передать замысел автора, не нарушив естественности русского языка художественного произведения. Нам пришлось

искать подобные явления в русской литературе: были прочитаны книги Н. Гоголя, В. Липатова, В. Арсеньева. Хотя чтение это и обогатило наш лексико-грамматический запас, оно показало, что использовать русские диалектизмы для перевода подобных текстов невозможно.

Материалом для нашей работы послужил роман британской писательницы Андреа Леви «Маленький остров» и выполненный нами перевод отдельных его глав. Выбор объясняется тем, что произведение написано от лица четырех героев-рассказчиков, разных по национальной и социальной принадлежности, характеру, образованию. Каждый из них наделен особой речевой характеристикой, что ярче и полнее раскрывает их чувства, внутренний мир.

Наша задача при переводе осложнялась тем, что два героя, выходцы с Ямайки, используют в своей речи несколько идиомов в зависимости от коммуникативной ситуации и переживаемых эмоций. Англоязычному читателю разница между идиомами очевидна; найти им сколько-нибудь прямое соответствие в русском варианте не представляется возможным. Тем не менее, руководствуясь тем, что замысел автора должен быть понятен и русскоязычному адресату, мы стремились хотя бы частично передать речевые особенности героев, имеющиеся в оригинале, чтобы по возможности сохранить идейный и художественный замысел автора.

В главе 1 мы опишем, как в теоретических работах трактуются понятия «сюжет» и «фабула», и рассмотрим различные концепции нарраторства в художественном произведении.

В главе 2 дадим общую характеристику романа, раскроем речевые характеристики каждого из четырех героев-рассказчиков, подробнее анализируя речь двух из них.

В главе 3 проанализируем перевод устной и повествовательной речи двух героев-рассказчиков романа, что позволит выявить некоторые переводческие решения, принимаемые при передаче речевых характеристик. Кроме того, дадим некоторые рекомендации переводчикам подобных произведений

художественной прозы.

Глава 1. Теоретические основы исследования языка героев романа «Маленький остров»

1.1. Современное литературоведение о терминах «сюжет» и «фабула»

Одним из первых о термине «сюжет» заговорил Аристотель. Древнегреческий мыслитель в своем труде «Поэтика» определил его как «сочетание фактов» и «подражание действию», указав при этом на его важность для изображения характеров. Позднее немецкий философ Г.В.Ф. Гегель, давая определение действию, отмечал: «... то, что человек есть в глубочайшей основе своего бытия, осуществляется в действительности через действие». Получается, сюжет, будучи подражанием действию, помогает автору раскрыть сущность персонажей своих произведений. Однако этим его функция не ограничивается. По мнению Максима Горького, сюжет — это еще и история роста и организации того или иного характера [цит. по 14]. Таким образом, автор получает возможность показывать характеры не только в статике, но и в динамике.

Соавторы «Литературной энциклопедии» П. Михайлов и Б. Михайловский понимают под сюжетом отражение динамики действительности в форме развертывающегося в произведении действия, в форме внутренне-связанных (причинно-временной связью) поступков персонажей, событий, образующих известное единство, составляющих некоторое законченное целое [14]. Развитие сюжета может происходить поступательно — в таком случае события разворачиваются в хронологическом порядке — или с нарушением этого порядка, которое выражается различными перестановками, перебоями, перерывами. Подобные приемы, с одной стороны, служат для создания эмоционального напряжения у читателя, с другой, сигнализируют о субъективной природе излагаемого. Для различения прямой последовательности событий и той последовательности, в которую их ставит автор, многие литературоведы используют термин «фабула». Так, П. Михайлов

определяет его как те «события ... в их причинно-хронологической последовательности, которые komponуются и оформляются автором в сюжете на основе закономерностей, усматриваемых автором в развитии изображаемых явлений» [14].

Русские формалисты также придерживались дихотомии «сюжет — фабула». Лингвист Б.В. Томашевский подразумевал под фабулой совокупность событий, связанных между собой, о которых сообщается в произведении; под сюжетом он понимал те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении [23]. В.Б. Шкловский, писал, что фабула — это явление материала, сюжет — явление стиля, композиционное построение произведения; то есть фабула — лишь материал для сюжетного оформления [25, 26].

Кардинально противоположное трактование этих двух понятий приводит исследователь Г.Н. Пospelов. Он пишет, что в русской научной литературе с середины XIX века существует традиция, идущая от критика В.Г. Белинского. Приверженцы этой традиции, опираясь на этимологию слов («сюжет» (от франц. *sujet*) значит «предмет», «фабула» (лат. *fabula*) — «предание, басня, рассказ»), утверждают, что «сюжет» — то, о чем повествуется, развитие событий; «фабула» — само повествование [3].

Литературовед М.А. Петровский имеет похожие взгляды, но рассматривает эти два понятия с точки зрения художественного оформления текста. Он именуется сюжетом систему действий, предстоящую автору в том или ином оформлении, которое не является еще результатом его собственной творческой работы; фабулой — поэтически обработанный сюжет [20].

Некоторые теоретики, например, А.И. Ревякин, полагают, что анализируемые здесь понятия являются синонимами, и рекомендуют отказаться от одного из терминов. Зачастую излишним считают понятие «фабула», так как весь диапазон его значений покрывается понятиями «схема сюжета» и «композиция сюжета» [цит. по 16].

Свое видение проблемы имел психолог и искусствовед Л.С. Выготский. Под фабулой он, как и формалисты, понимал лежащий в основе произведения материал, а под сюжетом — форму организации этого материала, однако, в отличие от них, полагал, что в произведении важны оба этих компонента, хотя и подчеркивал, что обработка фабулы, построение композиции являются чрезвычайно важной задачей для автора, ведь порядок изложения создает динамику. Именно диалектика материала и формы, и в частности, фабулы и сюжета, придает искусству (а следовательно, и литературному произведению) характер эстетической реалии, способной по-иному воздействовать на человека [9].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в своей работе мы будем опираться на взгляды Б.В. Томашевского, В.Б. Шкловского и, главным образом, Л.С. Выготского.

В рассматриваемом нами романе события организованы в непрямой последовательности; возьмем на себя смелость высказать мысль, что читателю в нем интереснее не фабула, а сюжет. И заметим, что порядок изложения играет не последнюю роль в оказании эмоционального воздействия на читательскую аудиторию и на раскрытие характеров персонажей произведения. Именно такая форма сюжета способствует более полному пониманию идейного — гуманистического — замысла автора. Как писал уже упомянутый нами Л.С. Выготский, «все искусные прыжки рассказа имеют в конечном счете одну цель — погасить, уничтожить то непосредственное впечатление, которое исходит на нас от этих событий, и превратить, претворить его в какое-то другое, совершенно обратное и противоположное первому» [9, с. 151]. В. Шмид резюмировал его концепцию так: «Эмоция, вызываемая материалом, с функциональной точки зрения подчиняется эмоции, вызываемой формой» [27. С. 153].

1.2. Язык нарратора в художественном произведении

Прежде чем перейти к непосредственному анализу, мы хотели бы также упомянуть о типологии нарраторов и выявить важность их языка при раскрытии характеров действующих лиц литературного произведения.

Поясним, что под термином «нарратор» мы, вслед за немецким исследователем В. Шмидом, понимаем адресанта фиктивной авторской коммуникации, создаваемого абстрактным автором («образом автора» по терминологии отечественного лингвиста В.В. Виноградова). В российской традиции для выражения этого же значения употребляются два понятия: «повествователь» и «рассказчик», но их истолкование различается. Н.А. Кожевникова использует понятие «повествователь» как гипоним для терминов «автор» и «рассказчик» [11]. Большинство филологов все же сходятся во мнении, что повествователь ведет повествование от третьего лица, а рассказчик ведет рассказ от первого лица. В классификации В. Шмида, отвергающей основанную на грамматике традиционную оппозицию, первый приравнивается к недиегетическому нарратору, который описывает только других участников повествуемой истории; второй — к диегетическому нарратору, который присутствует одновременно и в плане описываемых событий, и в плане повествования. В. Шмид утверждает, что диегетический нарратор является носителем субъективизма, привносит в текст личную оценку, эмоциональность [27].

О субъективизме рассказчика говорил еще В.В. Виноградов. Хотя он упоминал об этом явлении применительно к такому виду повествования, как сказ, мы склонны полагать, что его выводы распространяются и на иные виды. Он писал: «Образ рассказчика в сказе накладывает отпечаток своей экспрессии, своего стиля и на формы изображения персонажей» [7. С. 140]. И далее: «Субъективная слоистость — существенный признак литературного сказа, замещающего так или иначе авторское повествование». При этом В.В. Ви-

ноградов отмечал, что образ рассказчика колеблется, иногда расширяясь до пределов образа автора [там же. С. 220—221].

Труд «Слово в романе», принадлежащий перу другого отечественного исследователя, М.М. Бахтина, содержит следующую классификацию лиц, так или иначе связанных с конкретным литературным произведением:

▲ действительный автор — реальная историческая личность, написавшая произведение;

▲ а) условный автор — нарратор в произведении, стиль повествования которого опирается на элементы письменной речи; б) рассказчик — нарратор, для которого характерны элементы речи устной;

▲ повествующий герой — непосредственный участник событий, ведущий повествование;

▲ герой/персонаж — действующее лицо произведения.

Е.И. Орлова утверждает, что иллюзия достоверности происходящего создается введением в литературное произведение героя-рассказчика (повествующего героя), благодаря которому читатель вплотную приближается к герою и видит его без посредника в лице автора [18]. Размышляя о проблеме диалога в своих тетрадях «К вопросам теории романа», М. М. Бахтин отмечает, что прямая речь, введение рассказчика создает первый крупный план действия [2. С. 559].

Но вернемся к работе «Слово в романе». Рассуждая о разноречии и разноголосице, организующих роман, М.М. Бахтин подчеркивает, что действительный автор заставляет язык своего произведения служить своим интенциям. Однако он может пользоваться языком, не отдавая себя ему всецело. Так происходит, когда автор произведения вводит условных авторов или рассказчиков, язык которых в той или иной мере отличается от привычного ему языка. Вот что пишет М.М. Бахтин: «Речь таких рассказчиков всегда —

чужая речь¹ (в отношении к действительному или возможному прямому авторскому слову) на чужом языке² (в отношении к той разновидности литературного языка, которой противопоставляется язык рассказчика)» [2. С. 67]. Он приходит к важной для нашего исследования мысли о том, что за рассказом рассказчика мы слышим не только повествование автора о том, о чем рассказывает рассказчик, но и о самом рассказчике. Говорящий человек в романе всегда является носителем определенной системы взглядов, претендующей на социальную значимость [там же. С. 87]. В.В. Виноградов придерживается схожей точки зрения: «Рассказчик в ткани речи получает свою “социологическую” характеристику» [7. С. 221].

Таким образом, можно заключить, что лучше всего герой выявляется через ведение повествования от лица его самого. Наделение героя собственным языком позволяет полнее создать его образ, ярче проявить его характер.

1 Разрядка М.М. Бахтина — *В.В.*

2 Разрядка М.М. Бахтина — *В.В.*

Глава 2. Роман «Маленький остров» и его герои

2.1. Общая характеристика романа

Выбранный нами для перевода роман «Маленький остров» написан британской писательницей ямайского происхождения Андреа Леви в 2004 году. Критика оценила его высоко: он получил несколько наград, в том числе, авторитетнейшие в Великобритании премию «Оранж» и Уитбредовскую премию. В 2009 году книга была экранизирована компанией «Би-би-си».

Роман разграничен на два временных плана. Центральный план вводится в текст индикатором «1948» и относится, соответственно, к 1948 году. Другой, вводимый словом «Ранее», включает в себя события, предшествующие основным и разворачивающиеся преимущественно в период Второй мировой войны. Имеется также эпилог.

При чтении начальных глав романа проникновение в фабулу затруднено, так как они следуют не в порядке хронологии. Кроме того, временное разграничение проводится не только с помощью формальных средств: в блоках глав, отнесенных к центральному временному плану, используется прием ретроспекции.

В романе присутствуют четыре героя-рассказчика, которые, чередуясь, ведут каждый свой рассказ. В рамках центрального плана их повествование фокусируется на том, что происходит между ними четырьмя здесь и сейчас. В рамках плана «Ранее» они вспоминают о событиях прошлого. Дополняя друг друга, их рассказы создают у читателя целостную картину; иногда одно и то же событие рассматривается под углом зрения двух и более героев.

Как мы упомянули чуть выше, основные действия книги датированы 1948 годом, и разворачиваются они в Лондоне. В тот год, 22 июня, произошло историческое событие: в порт Тилбери прибыло судно «Эмпайр Виндраш» с жителями Вест-Индии (в основном, ямайцами), которых подтолкнул к переезду Акт о национальности, дающий право всем поданным Содружества жить и

работать в Великобритании, а также перевезти в страну свои семьи. На борту был и один из героев-рассказчиков романа «Маленький остров», Гилберт Джозеф. Через пять месяцев к нему в Лондон перебралась и его молодая жена Гортензия. Роман ярко иллюстрирует, как после успеха первой волны переселения в метрополию устремились сотни людей, надеясь на лучшее существование. Многие туземные мужчины, участвовавшие во Второй мировой войне, ощутили себя равноправными подданными Британской империи, их привлекала жизнь в метрополии, и, вернувшись на родину, они в красках описывали увиденное своим родным и друзьям. Однако чаяния иммигрантов разбивались о презрение и предрассудки англичан, не готовых принять у себя на родине иностранцев, да еще и с другим цветом кожи.

2.2. Нарраторы в романе

Повествование ведется от лица четырех героев: двух ямайцев (Гортензии и Гилберта Джозеф) и двух англичан (Квини и Бернарда Блай). Гилберт, как и многие другие ямайцы, в годы Второй мировой был призван на службу в Великобританию, где случайно познакомился с Квини Блай — помог ее больному зятю добраться до дома. Вернувшись с войны на Ямайку, Гилберт решил было жениться на Силии Лэнгли, подруге Гортензии, и уехать в Англию. Однако Гортензия сама грезилась об Англии; она невзначай обмолвилась в присутствии Гилберта и Силии, что мать ее подруги не сможет последовать за молодоженами по причине сумасшествия. С тех пор Силия исчезла из жизни Гортензии. Вскоре Гортензия вышла за Гилберта замуж, хотя вначале считала его плохой для себя партией. В результате супруги Джозеф оказываются в доме Квини, у которой Гилберт снял комнату. На момент завязки романа муж Квини, Бернард, воевавший в Индии, числится пропавшим без вести.

Опираясь на теорию повествования М.М. Бахтина, подчеркнем, что каждый из рассказчиков выступает здесь как носитель «словесно-идеологического, языкового кругозора... особых оценок и интонаций» [2]. Чужой идеологический

мир нельзя адекватно изобразить, не дав ему самому зазвучать, не раскрыв его собственного слова [там же. С. 89]. В связи с этим можно говорить о наличии в плоскости романа четырех различных субъязыков.

Руководствуясь необходимостью выявить речевые характеристики всех четырех рассказчиков и при этом сохранить смысловую связанность текста, для перевода мы выбрали следующие главы, отнесенные к 1948 году:

- ♣ глава первая — от лица Гортензии;
- ♣ глава десятая — от лица Гортензии;
- ♣ глава двадцатая — от лица Гортензии;
- ♣ глава двадцать вторая — от лица Гортензии;
- ♣ глава тридцать первая — от лица Гортензии;
- ♣ глава тридцать вторая — от лица Гилберта;
- ♣ глава тридцать третья — от лица Гортензии;
- ♣ глава тридцать четвертая — от лица Квини;
- ♣ глава сорок шестая, начало — от лица Бернарда.

2.3. Речевые характеристики героев-рассказчиков

Изложим основные различия между языками героев-рассказчиков романа «Маленький остров».

2.3.1. Язык англичан

Англичанка Квини Блай — дочь мясника, и, следовательно, родом из низших слоев общества. Полученное ей образование нельзя назвать хорошим; после школы она работала продавщицей в кондитерской. Язык, на котором она говорит, — это современный разговорный английский на грани просторечия. Он характеризуется употреблением правильных грамматических форм и стилистической однородностью; в то же время, ее речь пестрит разговорными словечками и ругательствами, например: *blinking*, *bloody*, *heck*. В рецензии на роман, опубликованной на сайте газеты «Гардиан», критик Майк Филиппс

пишет, что Квини звучит как жительница Лондона, воспитывавшаяся в начале прошлого века [35].

Бернард Блай до войны работал клерком в банке; по словам тети Квини, он «джентльмен». Его язык также можно назвать современным разговорным английским (мужским вариантом). Для его речи характерны короткие, отрывистые предложения. Например: *I expected Queenie to be shocked. Could hardly blame her. Husband back from the dead.*

По мнению вышеупомянутого критика, речь Бернарда звучит как речь служившего на Востоке [35]. Эмоциональная окрашенность речи передается не лексически, как в случае с Квини, а скорее интонационно.

В целом, если закрыть глаза на различия в экспрессивности женской и мужской речей, Квини и Бернард говорят примерно одинаково. При переводе на русский язык передача речевых особенностей англичан затруднений не вызывает, поэтому в своей работе мы не будем подробно останавливаться на этой теме. Гораздо больший интерес у нас вызывают языки Гортензии и Гилберта. Именно их перевод и представляет особую трудность.

2.3.2. Язык ямайцев

Сначала осветим языковую ситуацию на Ямайке. Как следует из брошюры Ю.С. Степанова, официальный язык этой страны — английский, но большинство населения говорит на местном его диалекте, в котором много африканизмов [22. С. 11].

Зарубежные лингвисты склонны выделять два идиома: английский язык в его ямайской разновидности (далее — ямайский английский), на котором говорит образованная часть населения (в основном, горожане), и ямайский креольский язык, который используют преимущественно сельские жители и рабочие [31. С. 2]. Ямайский английский в плане грамматики и лексики близок к стандартному английскому, но с середины двадцатого века заметное влияние на лексический состав оказывает и американский английский; по интонации речь напоминает

ирландский английский. Ямайский креольский (другое встречающееся название — патуа), или, в отечественной терминологии, джагва-таак [10. С. 12], возник в результате слияния нигеро-конголезских и английского языков; употребляется чаще всего его устная форма.

Приведем для сравнения отрывок, размещенный на одном из сайтов, посвященных изучению иностранных языков [36]:

Ямайский креольский язык	Стандартный английский
<p>Jumiekan dem uona hatitiuud divaid uoba di langwij di huol a dem taak di muos, likl muos aal di taim. Alduo <i>h</i>English a di <i>h</i>ofishal langwij a di konchri, ahn dehn aal ab wa dehn kaal Jumiekan <i>h</i>English, a muosli bakra ahn tapanaaris yu hie widi iina hofishal serkl, anles smadi waahn himpres wid piiki-puoki³.</p>	<p>Jamaicans' attitudes themselves are very divided over the language they all speak most, if not all, of the time. Although English is the official language of the country, and a variant known as Jamaican English is acknowledged, it is mostly heard only in formal situations, unless one wants to impress with “speaky-spoky”.</p>

По мнению ряда ученых, указанные выше два идиома редко встречаются в чистом виде. В настоящий момент, благодаря доступному образованию и тесным контактам внутри страны, существует множество промежуточных форм: говорящие на английском, как и говорящие на креольском, в той или иной степени отклоняются от оси своего основного языка. В зависимости от ситуации, степени ее официальности/неофициальности происходит переключение с одного языкового кода на другой. Поэтому правильнее говорить о наличии посткреольского языкового континуума. Это смешение относительно стандартного акролекта (ямайского английского) с базилектом (ямайским креольским), принадлежностью сельского населения, которое привело к появлению промежуточного варианта — городского мезолектного

3 Приводимая выдержка не является образцом письменного ямайского креольского языка, а отражает его звуковую сторону. Как мы упоминали выше, он используется в основном в устной форме. Относительно письменного варианта и необходимости его стандартизации ведется давняя дискуссия [33].

ямайского креольского языка, используемого в сфере бытового общения [31. С. 3].

Как видно, языковая ситуация на Ямайке отнюдь не из простых. Принимая этот факт во внимание, перейдем к речевым характеристикам Гортензии и Гилберта.

2.3.2 (а) Язык Гортензии

Гортензия — незаконнорожденная дочь уважаемого на Ямайке чиновника, мулата, и деревенской негритьянки. Природа наградила девушку золотистой кожей, светлее, чем у ее окружения, поэтому с самого рождения она ощущала некое превосходство над остальными. Отец, не скупясь на средства, отдал ее в семью своего двоюродного брата, оптового торговца, благодаря чему Гортензия получила хорошее образование в школе, затем работала учительницей в частной школе, возглавляемой американской парой, а потом училась в педагогическом колледже. Ее обучали стандартному английскому языку, и она гордится своим превосходным произношением и знанием «подлинного» языка, противопоставленного базилекту, на котором говорят полуграмотные сельские жители. Прочитируем в качестве примера отрывок из диалога Гортензии с ее бабушкой по линии матери (и по совместительству служанкой):

Служанка: *Weh you mean shepherd, Miss Hortense?*

Гортензия: *A shepherd is a man who looks after sheep.*

С.: *Sheep? Dem nuh have none ah dat in Jamaica?*

Г.: *No, it is England where the shepherd is, Miss Jewel.*

С.: *Oh, Hengland. Ah deh so de Lawd born ah Hengland?*

Завершая ликбез, Гортензия журит бабушку: «... *you should learn to speak properly as the King of England does. Not in this rough country way*». Стало быть, наша героиня полностью уверена, что по уровню владения языком ничуть не уступает самому королю Англии.

Перейдем к непосредственному анализу речи Гортензии. В ней часто

встречаются слова из разряда книжной и/или устаревшей лексики, которую Гортензия, как и другие представители ямайского общества (в первую очередь, высшего), усвоила из произведений знаменитых британских классиков, таких как Шекспир и Вордсворт⁴. Например: *perchance*, *to abode*⁵, *to admonish*, *to allay*, *to alight upon* и т. п.

Употребляет Гортензия и целые книжные и/или устаревшие конструкции вместо их нейтральных синонимов:

▲ *to pay no mind* вместо *to ignore / take no notice (of)*;

▲ *[a woman] such as I* вместо *[a woman] like me*.

Яркая особенность ее языка — полные, развернутые предложения, грамотные с точки зрения школьных правил, но нехарактерные для современного разговорного английского:

1. *Could you be so kind as to point out for me the place where I might find one of these vehicles?*
2. *Would you perchance have a basin that I might get a use of?*
3. *A glance to the window told me it was still night time.*
4. *Perusing the street my eye could conceive of nothing that might give so cruel a reaction.*
5. *I obliged her concern by making a purchase.*
6. *I did not wish to appear rude to this woman on my first day in England so I acknowledged her questions with a small nod of the head.*

Заметим, что первые два предложения взяты из прямой речи Гортензии. Просьба (1) адресована английскому работнику на пристани, вопрос (2) предназначается Квини. Предложение (3) взято непосредственно из рассказа

4 Интересным в этой связи нам представляется случай, упоминаемый известным американским лингвистом Фредриком Кэссиди. Будучи на Ямайке, он услышал из уст простого мандевиллского земледельца слово «paraventure» родом из шекспировских времен и был поражен, ведь в современном английском его не встретишь [29. С. 4].

5 Отметим, что, согласно Random House Webster's Unabridged Dictionary, *abode* — только существительное, а соответствующий ему глагол — *to abide-abode-abode*. Получается, Гортензия ошибочно путает эти два слова.

героини о ее первом в Англии утра; кроме нее, действующим лицом в главе выступает Гилберт. Предложения (4) и (5) входят в рассказ о первом в Англии походе героини по магазинам, который она совершили вместе с Квини. Предложение (6) встречается в рассказе о первой беседе с Квини.

На основании приведенных примеров речь Гортензии вполне можно назвать высокопарной, хотя она сама ощущает свою английскую речь как обычную разговорную людей выше среднего класса. Мы полагаем, что подобный выбор автором лексических и грамматических средств подчеркивает стремление героини показать свой высокий культурный уровень, ее желание влиться в английскую среду и стать, что называется, своей. Ведь ее учили, что именно так подобает говорить воспитанной девушке.

Но не будем торопиться с выводами. Ямайско-деревенские корни Гортензии все же дают о себе знать, и рассказчица иногда сбивается на разновидность креоля. Так как он не настолько далек от акролекта (ямайского английского), как сельский базилект, мы будем считать ее идиом городским мезолектальным креольским языком.

Так, Гортензия употребляет диалектальные лексические единицы: ямайские междометия *cha, nah*, глагол *to renk* (= to stink) и т. д.

Кроме того, в ее речи встречаются разнообразные ошибки. Приведем ниже наиболее характерные из них:

✧ замена наречий прилагательными: *laughed raucous, glowed luminous, turn on it sudden* и пр.;

✧ неправильные видо-временные формы: *It was she that inform me that a chip is a potato cut up small. When she was finished that fight, she look on me distasteful, up and down;*

✧ неправильная формулировка общих вопросов: *Why you no come to meet me? What you think?;*

✧ употребление *I* вместо *me/my*: *Do not worry yourself on account of I* (отметим здесь и неправильное употребление возвратного местоимения с

глаголом *to worry*);

▲ опущение предлогов: *Forbearance prevented me informing her that what I do say she does not appear to comprehend.*

Последнее предложение иллюстрирует также некоторую присущую речи героини цветистость, под которой мы подразумеваем наличие внушительного числа сравнений и витиеватых конструкций (это, нам кажется, влияние сравнительно большой образности ямайского языка, отражающей более яркую природу тропического острова. Значительная часть конструкций попадает и в категорию «по-школьному правильные предложения»). Вот еще несколько примеров:

▲ *And as if the Almighty had stolen the rainbow from this place...*;

▲ *His face was speckled as a bird's egg*

▲ *...blocking all the heat as sure as a stormcloud before the sun;*

▲ *Tired of this silly dance of miscomprehension и пр.*

Проанализировав речевые особенности Гортензии, мы сделали ряд интересных, на наш взгляд, выводов. Оговоримся, что мы анализировали ее язык только в ее рассказах, но не то, как ее речь передается в рассказах других главных героев.

Во-первых, на основании речи Гортензии можно судить о том английском языке, который преподают в престижных ямайских школах. Он явно отличается от английского языка Англии. Возьмем, к примеру, эпизод с таксистом из главы первой. Гортензии пришлось несколько раз повторить нужный ей адрес — и все впустую, хотя она признается, что старательно произносила все слова. Чуть выше героиня подмечает, что Квини произнесла имя «Гилберт» на странный манер. В той же главе встречаем и вышеупомянутое предложение (1), сбившее с толку простого рабочего своей заковыристостью. Многие ямайцы того времени, и не только выходцы из высших слоев, во многом ориентировались на Великобританию, или, как они ее называли, «Mother/Mother Country». Они старались перенять манеры, нравы, обычаи этой

далекой страны. Они были в полной уверенности, что все англичане — сплошь леди и джентльмены с утонченными манерами и хорошим вкусом. Они изучали язык по произведениям английских классиков. Язык этот зачастую устаревший, для современного читателя, может быть, чересчур усложненный, витиеватый. Кроме того, под влиянием креоля фонетика изучаемого на Ямайке английского претерпела изменения по сравнению с британским стандартом. Поэтому Гортензия, очутившись в стране своей мечты, на первых порах постоянно сталкивается с непониманием.

Мы заключаем, что цветистая речь Гортензии (и, как мы продемонстрируем позднее, Гилберта) служит не просто примером используемого на Ямайке английского, но и способом передать дух целого народа. Поясним: от частого использования стилистически образных фраз вроде «*Finding colour through a window its [the bird's — B.B.] spirit rose to chirrup and warble*» на нас веет радужным колоритом Вест-Индии, оно говорит нам о живом восприятии жителями тропиков окружающей действительности, незаурядном образном мышлении.

Во-вторых, как уже было упомянуто, Гортензия не всегда говорит на одном языке. Влияет ли ситуация общения на ее речь? Мы приходим к выводу, что влияет. Остановимся на этом пункте подробнее.

В первой главе Гортензия, уже приехавшая в Англию, рассказывает читателю о происходящем на ямайском английском. В ее речи нет грубых грамматических ошибок, синтаксис предложений организован относительно нейтрально, хотя и присутствует некая витиеватость. Приведем для иллюстрации небольшой отрывок:

It did occur to me that, as I had not seen Gilbert for six months, he might have forgotten my face. The only way he would be sure of recognising his bride was by looking out for a frowning woman who stared embarrassed at the jumping, waving buffoon she had married.

В первой главе Гортензия также цитирует свои разговоры с англичанами и

Гилбертом. Если анализировать ее беседу с белым рабочим, вторым человеком, с которым она заговаривает на британской земле, в глаза бросается школьная правильность предложений, их распространенность, использование книжной лексики и преувеличенная вежливость. Например:

Excuse me, sir, I am needing to get to Nevern Street. Would you perchance know where it is?

Те же особенности мы выделяем и в ее разговоре с водителем. Так, для просьбы отвезти ее по определенному адресу, она выбирает следующую формулировку:

I need to be taken to number twenty-one Nevern Street in SW five.

Беседа с Квини тоже пестрит подобными причудами:

I have not seen Gilbert, but this is perchance where he is aboding?

Интересно отметить, что Гортензия использует полные формы глаголов, в отличие от цитируемых ею персонажей, которые нередко прибегают к сокращенным. Приведем примеры:

♣ Квини: *I'm coming! It's the size of the Isle of Wight. I'll see if he's in his room.*

♣ Англичанка на пристани: *She's one of you.*

♣ Рабочий: *I can't take you all the way on me trolley, love.*

♣ Таксист: *I'm sure someone inside will help you with this, dear.*

Все же один раз с уст Гортензии срывается сокращенная форма — в первой фразе, брошенной Гилберту:

Don't Hortense me, Gilbert Joseph.

И происходит это не случайно. В разговоре с Гилбертом тет-а-тет героиня переходит на креольский: перестает правильно задавать вопросы, вставляет ямайские междометия, опускает вспомогательные глаголы, игнорирует формы прошедшего времени. Проиллюстрируем наши наблюдения:

♣ *Why you no waving and calling my name with longing in your tone?*

♣ *You bring me all this way for just this?*

♣ *Show me the rest, nah.*

▲ *The ones [the rooms — B.B.] you busy making so nice for me you forget to come to the dock.*

Однако при англичанке Гортензия старается обращаться к мужу вежливо и грамотно, как ее учили:

I have everything I will need in that trunk, thank you, Gilbert.

Гортензия романтизирует Англию, считая, что все, или почти все, ее жители благородны, учтивы, обладают превосходным вкусом и изысканными манерами. И она, оказавшись в этой стране, старается, что есть сил соответствовать той «высокой» культуре, которую она себе вообразила. Поэтому она тщательно произносит слова, подбирает фразы, годные, по ее мнению, для того, чтобы показать образованность и воспитанность. Она полна надежд и уверена, что с таким превосходным владением языком ей открыты в Англии все дороги. Столкнувшись с непониманием двух англичан, Гортензия заключает, что среди белых мужчин работать идут одни дураки. Так проявляется ее презрение к людям, которых она считает ниже себя по статусу, ее гордость собой и самоуверенность. С Квини Гортензия держится учтиво-величаво, так как она поражена великолепием дома, где ей пришлось остановиться, и принимает хозяйку за важную, пусть и назойливую, особу. В целом, в присутствии англичан героиня старается не ударить в грязь лицом и проявить себя воспитанной и культурной особой. Что касается Гилберта, то он ее муж и соотечественник, поэтому она, отчасти устав держать лицо, отчасти думая, что тот не поймет ее мудреных фраз, говорит с ним наедине на креоле, при этом грамотные предложения в ее речи все же присутствуют.

Затем следуют главы, в которых Гортензия рассказывает о своем детстве. Ее речь правильная, грамотная, подходит под определение стандартного английского; присутствует небольшая витиеватость. Чтобы не быть голословными, процитируем ее повествование, которое также является наглядным примером ее любви к чистоте и порядку:

In that school no child ever wiped their running nose across their sleeve before

raising their hand high into the air and waving it around like semaphore. No child would chant, 'Miss Roberts, Miss Roberts', over and over until I could not recognize my own name. And no child ever subtracted five from ten and made the answer fifty-one.

В следующий раз мы встречаем повествование Гортензии вновь в центральном временном плане. Делясь с читателем своими впечатлениями от первого дня в Англии, рассказчица все чаще начинает пользоваться цветистыми и по-школьному полными фразами, избегая креоля даже в разговорах с Гилбертом. Мы считаем, что таким образом она пытается переломить себя, расстаться со своим ямайским прошлым, взяв из него только лучшие моменты, стремится к полной адаптации на новой земле. Собственно, она и сама мимоходом признается, что воспоминания надо забыть, ведь теперь она в Англии.

Постепенно Гортензия начинает испытывать к Квини неприязнь, вызванную многими причинами. Это и непонимание англичанкой того, что говорит Гортензия, и ее чрезмерное, по мнению рассказчицы, не подобающее леди любопытство. К тому же, девушка горда тем, что она — учительница, а англичанка — всего лишь женщина, зарабатывающая себе на хлеб тем, что сдает комнаты. Она даже перестает отвечать на ее расспросы, считая ниже своего достоинства что-либо пояснять, раз Квини все равно ничего не поймет. Речь героини в повествовании начинает приобретать бóльшую высокопарность. Вероятно, так она подчеркивает контраст между собой и англичанкой, демонстрирует читателю, что занимает более высокую социальную ступень, что она не так развязна и проста, как Квини.

Вечером, проведя весь день дома в заботах о хозяйстве и пообщавшись только с Квини, Гортензия остается наедине с Гилбертом. В ее рассказ вновь врывается креольский; высокопарность сохраняется. Гортензия раздосадована тем, что муж ворчит и ведет себя по-хамски; в ней нарастает злость. Вероятно, поэтому она и начинает делать ошибки: «утонченным» английским она владеет

только в спокойных ситуациях, сохраняя хладнокровие. Креольский, ассоциирующийся с низшими слоями, уместен для выражения отрицательных эмоций: воспитанным девушкам, владеющим английским, ругаться не положено; переходя на креоль, рассказчица преобразуется и словно становится иным человеком, которому позволительны крепкие выражения. Тем не менее, в ее прямой речи, адресованной Гилберту, неграмотность выражена не столь явно: верх берет все та же школьная правильность. Так героиня доказывает свое превосходство и над грубияном Гилбертом; кроме того, напоминает ему, что умеет сохранять самообладание, пусть внутри у нее все кипит. Вместе с тем, она по-прежнему воспринимает его как соотечественника, окончательно не отдалившись от родины. Дадим отрывок из ее повествования:

The man start to mumble and I know it is the Lord's name he is taking in vain.

'You can't even cook a simple thing like chips.'

'You are ungrateful, Gilbert Joseph.'

'Chips is fried,' he say, flicking angry at the potato on his plate.

'Well, how can I do anything with your big leg in the way?' I tell him [...]

I averted my gaze from him, left my plate at the table and went to sit on the bed. This vile man would not make me cry [...] And he cannot even see how I tidy up this wretched little room.

Особенно любопытной с точки зрения использования речи для характеристики Гортензии нам кажется глава, повествующая о ее походе по магазинам с Квини. Рассказчица вновь описывает события своим возвышенным языком, строит высокопарно-вежливые и грамотные предложения при разговоре с хозяйкой и другими англичанами. Стиль речи Гортензии прекрасно дополняет ее комментарии об ужасной одежде англичанки, о неряшливости продавца в бакалейной лавке, еще ярче проявляя ее отношение к окружающему и начинающее закрадываться в душу разочарование, хотя она по-прежнему надеется, что ее здесь поймут во всех смыслах этого слова. Она списывает непонимание на недалекость ее собеседников, даже не допуская мысли, что это

она говорит не так, как принято в Англии.

Квини уверена, что наша рассказчица плохо знает английский (в предыдущей главе она даже, утешая ее, сказала, что скоро Гортензия привыкнет к их языку), и она принимается учить ее разным словам, в том числе тому, как называются те или иные магазины. Рассказчице ее намерения видятся возмутительными, и от захлестывающего ее негодования она вновь снижает регистр повествования:

The shop with meat in the window she [Queenie — B.B.] tell me is a butcher. The one with pretty pink cakes is the baker. And each time she tell me she want me to repeat the word. Instead I tell her, 'I know, we have these shops in Jamaica.' She nod. She say good. Then seeing a shop selling fish she tell me this is the fishmonger.

Возможно, это происходит и потому, что Гортензия скептически относится к этим урокам, преподаваемым ее какой-то никчемной домохозяйкой, — она и без ее помощи знает об Англии все.

Возвращаясь к неряшливому продавцу, героиня в своем рассказе вновь прибегает к базилекту — так она выражает свое негодование и стремится продемонстрировать разницу между ней самой и ему подобными.

Отвлечшись от рассуждений о нечистоплотности Квини, да и прочих увиденных ею англичан, рассказчица возвращается к правильной и возвышенной речи, выказывая теперь свое неприятие заведенных в Англии обычаев, порядком ее шокировавших. И, не желая увязнуть в окружающем ее невежестве, оказаться на уровне простолюдинов, к которым она теперь относит и Квини, Гортензия в середине романа признается:

It was of no use to imitate the way of speaking of those about me, for too many people I encountered spoke as a Cockney would. All fine diction lost in a low-class slurring garble. No. To speak English properly as the high-class, I resolved to listen to the language at its finest. Every day my wireless was tuned to the most exemplary English in the known world. The BBC.

Девушка возобновляет рассказ на правильно-возвышенном английском. Значит, она не сдаётся. И действительно: она хочет устроиться учительницей,

но, к полной своему удивлению, получает отказ. И опять ни намека на креольский — только витиеватые фразы, как бы символизирующие ее стойкость, уверенность в себе и вместе с тем боязнь показаться чужим людям жалкой и беспомощной.

После такой пощечины от страны грез Гортензия перестает кичиться, ее речь приближается к разговорному английскому Англии, но от витиеватой высокопарности кое-что остается. Полагаем, она смиряется с тем, что здесь ее никто, кроме мужа, не ждал, и начинает осознавать, как сильны предрассудки относительно темнокожих. Возможно, ей кажется, что ее напыщенная речь побуждает англичан относиться к ней неуважительно. Благодаря этому и происходит ее адаптация, ведь постепенно ее язык становится похож на язык ее окружения. Но значит ли это, что она навсегда распрощалась с прошлым? Нет. Как бы нелепы и грубы ни казались ей ее соотечественники раньше, теперь она вспоминает о своих корнях с нежностью: ласково зовет чернокожего ребенка Квини, взятого Джозефами на воспитание, ямайским «*me sprigadee*» (= *my sweetheart*). Свои диалоги с Гилбертом она передает правильной речью, за редкими исключениями вроде «*You wan' hear what I know of my tummy?*». Гортензия лишь отступает, но не сдается до конца.

Прочитав роман, мы приходим к выводу, что Гортензия, несмотря на демонстрируемые в начале романа твердость, напористость, высокомерие, чрезмерную гордость и, может, даже самовлюбленность, оказывается человеком чутким, сентиментальным и добрым. Вместе с тем, в ней есть стержень, позволяющий ей держаться на плаву. И ее история раскрывается во многом за счет ее многоплановой речи.

Кстати сказать, подобные изменения в речевом облике Гортензии напомнили нам о героине другого художественного произведения, повести В. Липатова «...Еще до войны». Потеряв отца, горожанка Раиса перебирается к своему дяде в глухую деревушку на реке Кети. В отличии от местных жителей, говорящих на ярко выраженном наречии, девушка использует литературный язык, однако

в большинстве случаев ее реплики представляют собой не прямую, а несобственно-прямую речь; либо она обращается мысленно к себе. Приведем для сравнения выдержки из текста:

- ▲ речь местных жителей: *«Чего это он племяшку на инженершу собирается выучивать, когда ее надоть обратно от грамоты ослобонить...»* [13. С.23]; *«Сеструха, язви тя в корень. Ты ить кофту-то зазеленишь! Сама стирать-то не стирашь, так чего мать-то будет руки ломать?»* [там же. С.62];
- ▲ речь Раи: *«Я глупая! [...] Я только думаю, что я взрослая, а я глупая, и сама не знаю, чего мне надо...»* [там же. С.39].

Манеры Раи, ее образ мыслей, привычки разительно отличаются от заведенных в деревне обычаев. Поэтому, хотя местные и относятся к ней с уважением, как подобает относиться к городской, девушка чувствует себя белой вороной. Пытаясь адаптироваться к другой жизни, Раиса постепенно перебарывает себя, вольная деревенская жизнь даже начинает ей нравиться, и она сама переходит на наречие: *«Я перед тобой виноватая. [...] Я шибко перед тобой виноватая, Грань, но они так меня просили, так уговаривали... Ты на меня не серчай, ладно?»* [13. С.93]. Автор снабжает эти слова комментарием: *«от темноты и нежности к подружке переходя на местный говор»* [там же]. То есть, героиня использует говор для выражения нежности, положительных эмоций; так же поступает и рассказчица (как мы выясним ниже, и рассказчик) нашего романа. Но использовать русские диалектальные слова, которыми говорят сельские жители В. Липатова, мы, совершенно очевидно, не можем.

2.3.2 (б) Язык Гилберта

Гилберт родом из еврейско-негритянской семьи. Его отец много пил, и мать, чтобы прокормить десятерых детей, стала печь на продажу торты. Дела пошли успешно, и вскоре она открыла кондитерскую, где Гилберт с десяти лет работал развозчиком. На появившиеся у семьи деньги юношу отправили в частную

школу, где он очень хорошо учился, правда, недолго. Он стремился на юридический факультет, однако обстоятельства не позволили ему осуществить эту мечту.

Его речь представляет собой мезолектальный креольский язык. В нем больше отклонений от стандартного английского, больше ошибок. Вместе с тем, его язык отличен от языка его друзей и знакомых. Вот, например, как говорит его сосед по дому, ямаец Кеннет:

♣ *Me caan believe what me ear is hearing. You a man. She [Hortense — B.B.] just come off the boat – you mus' show who boss. And straight way so no bad habit start.*

♣ *Cha, me thought you say she your friend. So why the woman act like bakkra⁶?*

Среди особенностей речи Гилберта в его рассказе о 1948 году можно выделить:

♣ неправильные формы прошедшего времени у глаголов: *This mild-mannered man was going [...] when an old woman trip [...] and fall down. The shock rob him of his voice;*

♣ игнорирование форм 3-го лица единственного числа у глаголов в настоящем времени: *The cicadas singing, he raise his legs on to a foot-rest and sigh;*

♣ неправильное употребление местоимений: *All us pitiful West Indian dreamers [...] were a joke;*

♣ книжные и устаревшие слова и конструкции: *beholden; beguiled; some difficulty owing to the confection.*

Мы обнаружили, что, рассказывая о событиях прошлого, Гилберт говорит на грамотном ямайском английском языке. В приводимых им фрагментах своих разговоров с выходцами из Ямайки герой также использует правильный английский. В репликах, адресованных Гортензии, наблюдается некоторое колебание: иногда он переходит на мезолект, в его речи появляются креольские

6 «Bakkra» на креольском сленге значит примерно то же, что «devil».

междометия (*cha, nah man*), ругательства (*ras*), ошибки (*And lucky I know her – places hard to come by, especially for coloured boys*). Думаем, что подобный переход объясняется тем, что он связывает в своем представлении креольский язык с положительными эмоциями, так как его мать, его друзья и родные говорили именно на этом идиоме. Гортензия как раз и есть для него олицетворение тепла и уюта, она одна из немногих, кто, как ему чудится, готов его поддержать, ему помочь. Гилберт ведь давно уже ничего не ждет от Англии: он видел разрушенный Лондон во время войны, его не взяли в университет после ее окончания, наконец, он не может найти достойную работу, вновь вернувшись в эту страну. Позднее он осознает, что жена его витает в облаках. Ее настрой вызывает у него досаду и бессилие: ему никак не удастся переубедить ее. И он намеренно, полагаем мы, переходит на все более низкие формы креоля, чтобы хоть как-то намекнуть ей, что она метит слишком высоко, что будущее у них есть только на Ямайке, — словом, пытается отучить ее от высокомерно-цветистой речи. Упомянем, что речь Гилберта тоже имеет некую цветистость, но выражена она гораздо слабее, чем у Гортензии. Мы связываем это опять-таки с тем, что он уже разочаровался в метрополии. Вероятно, причина кроется и в том, что по уровню образования и социальному статусу на родине он все же уступает своей жене.

Мы выявили также еще один любопытный факт: в рассказах Гортензии прямая речь Гилберта звучит неграмотнее, чем в рассказах его самого. На наш взгляд, здесь свою роль играет субъективация точки зрения. Гортензия, которая с презрением относится к мужу и желает ему это показать, склонна наделять его речь в своем пересказе множеством ошибок, ярким базилектом, тогда как Гилберт в действительности говорит на более престижном креоле.

Отметим, помимо этого, что в начале переводимой нами главы просторечных и разговорных форм употреблено больше, чем в конце главы. Чем ближе к концу, тем «чище» звучит речь. Это изменение, по-видимому, можно объяснить тем, что во второй части Гилберт передает свой разговор с англичанкой и,

говоря с ней, старается уменьшить креольский акцент. В первой же части он думает о своей родине, о пережитых невзгодах, повествование касается его соотечественников, поэтому он использует мезолект, привычный для той среды.

Глава 3. Анализ перевода устной и повествовательной речи главных героев

В предыдущей главе мы дали речевую характеристику нарраторов романа «Маленький остров». Как уже отмечено, в рамках переводческого анализа интересными для нас представляются рассказы двух героев — Гортензии и Гилберта. Изложим ниже наши соображения относительно способов передачи языковых особенностей этих героев при переводе на русский язык.

Мы выяснили, что языки Гортензии и Гилберта складываются из смешения ямайского креольского языка (в разных его стилистических разновидностях) и ямайского английского языка. Напомним, что оба идиома имеют в своей основе английский язык. Андреа Леви в своем романе не использует их в чистом виде: автор не имитирует полностью соответствующую языковую структуру, а пытается создать нужную атмосферу, добавляя в текст наиболее распространенные маркеры, по которым носитель стандартного английского может понять, что герои говорят иначе, не так, как принято в Англии, где книга писалась. Перенасыщение текста подобными маркерами могло привести к тому, что для людей, не знакомых с этими идиомами, чтение оказалось бы затруднительным, тем самым, читательская аудитория сузилась бы до носителей представленных идиомов. Поэтому Леви, руководствуясь необходимостью намекнуть на отличие языков героев от стандартного английского и охарактеризовать их рассказчиков через их речь, отказывается от полноценного использования идиомов, осознавая, что «язык всякого писателя рассчитан на понимание его в плане языка читателя» [6. С. 82].

Повторимся, что маркеры, имеющиеся в тексте, сигнализируют англоязычным читателям об отклонении речи героев от стандартного английского языка, причем для нас важно, что характер и степень этих отклонений меняются в зависимости от ситуации.

Русскоязычный читатель перевода тоже должен видеть разницу между речью

героев и понимать, что язык ямайцев отличается от стандарта⁷. Какими же средствами русского языка можно воспользоваться для решения нашей переводческой проблемы?

Поскольку один из употребляемых идиомов — ямайский английский, отличающийся цветистостью и вычурностью, а другой — неоднородный ямайский креоль посткреольского континуума, который также является своеобразным диалектом английского⁸, то возникает основание для того, чтобы в целом назвать смешанный язык наших героев диалектом. Причем диалект этот неоднороден и социально, и территориально, так как используется в определенном регионе (на Ямайке) и является принадлежностью определенного класса общества. «Традиционные территориальные диалекты теряют свое единство: они как бы расслаиваются (структурно и функционально) на несколько структурно-функциональных типов [...], каждый из которых имеет свой социальный субстрат (своих говороносителей) и свою сферу преимущественного использования» [цит. по 29].

В нашем случае ситуация осложняется тем, что автор выбирает не один «структурно-функциональный тип», а использует на протяжении романа различные типы с целью проявить характер и социальное положение героев. Упомянем здесь также, что среди черт диалекта В.Д. Бондалетов выделял, помимо прочего, наличие стилей, связанных с разговорной формой реализации языка, и его структурную подчиненность высшим формам существования языка (то есть, стандарту — *V.V.*) [5. С. 62]. Но носители анализируемого нами языка (Гортензия и Гилберт) пользуются в разговорной и повествовательной

7 Под «стандартом» мы понимаем «образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются как “правильные” и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию» [1. С. 532].

8 Мы основываемся на выводах Е.В. Перехвальской: «В креольских языках, существующих в ситуации посткреольского континуума наряду с языками-лексификаторами, происходит постепенное отмирание наиболее удаленных от целевого языка форм: сначала базилектных, а затем и мезолектных. В результате эти языки превращаются в своеобразные диалекты языка-лексификатора» [19]. Язык-лексификатор для ямайского креольского — английский.

речи более формализованным вариантом. Кроме того, безусловно с их точки зрения грамотный вариант диалекта воспринимается ими как стандарт, как наиболее престижная разновидность английского языка. Они не сознают, что их разговорная речь сильно отличается от обычного английского, на котором говорят англичане, и в то же время считают диалектную, близкую к креолю, речь менее престижной.

Наши герои сознают свою грамотную речь как наивысшую форму английского языка, и читатель романа, знающий, что герои получили более-менее достойное образование, приходит к выводу, что для Ямайки эта форма и есть стандарт. То есть, получается, что англоязычные адресаты, с одной стороны, видят отклонение от стандарта английского языка и, следовательно, воспринимают речь рассказчиков как диалект, а с другой понимают, что на Ямайке именно такая речь и есть стандарт. Таким образом, в этом случае, мы, по-видимому, имеем дело с явлением, сочетающим в себе одновременно признак самостоятельного языка (наивысшую форму), бытующего на определенной территории, так как для его носителей он действительно основной язык, и признак диалекта английского.

3.1. Способы передачи диалектальной речи при переводе на русский язык

Вариантом передачи диалекта английского языка может представляться какой-нибудь диалект русского языка. Однако мы разделяем точку зрения ряда лингвистов, полагающих, что передавать диалект языка оригинала диалектом языка перевода нельзя. Дело в том, что английские диалекты (которых мы ведем речь) не просто территориальные — они содержат в себе следы чужого стандартного языка, в данном случае, креольского. И отразить эту особенность на русском языке русскими диалектами невозможно. Русское слово, взятое из диалекта, отнесет русского читателя к территории, где это слово употребляется. Возьмем, к примеру, лексику и грамматику, которые характерны для русских

северных говоров:

- ▲ лексика: *квашня*, *озим(ь)*, *ухват*, *жито* (=рожь), *беседки* (=посиделки), *баской* (=красивый) и т.д.;
- ▲ грамматика: перфект финского типа «он приехавши», плюсквамперфект «он был пришел» и т.д.

Любое из этих слов или любая из указанных грамматических форм поставят русского читателя в тупик или заставят усмехнуться. По мнению С.И. Влахова и С.П. Флорина, «единственную возможность нюансировать текст перевода в подобных случаях предлагает [...] просторечие» [8. С. 262].

С.П. Флорин и С.И. Влахов предлагают переводить креольские языки ломаной речью [там же. С. 262—263]. Такая позиция в корне противоречит замыслу автора нашего романа. Ломаная речь зачастую является признаком речи человека, для которого язык говорения иностранный; для героев же «Маленького острова» он родной. Кроме того, рассказчики осознают свой язык как норму, принятую не только на родине, но, по их понятиям, и в Англии. По этим же соображениям мы намеренно не оставляли в переводе грамматические ошибки: речь героев не аграмматична, а подчиняется логике используемых ими идиомов.

3.2. Перевод особенностей речи рассказчиков-героев романа

В своем переводе мы использовали прием компенсации, «при котором элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, тождественная передача которых невозможна, а, следовательно, утрачиваемые при переводе, передаются в тексте перевода элементами другого порядка, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» [28. С. 54]. «Элементы другого порядка» могут быть самые разные.

Наша задача осложнялась тем, что нам нужно было, с одной стороны, передать высокопарность речи, а с другой — ее неправильность, то есть, и высокий, и низкий ее регистры.

3.2.1. Передача речевых характеристик Гортензии

3.2.1 (а) Мезолектальный креольский язык

Речь Гортензии, как уже говорилось, состоит из двух говоров — мезолектального креольского и ямайского английского. Остановимся на первом типе ее речи.

Для передачи мезолектального креольского языка Гортензии мы прибегли к компенсации на различных уровнях. При этом осуществлялась она по большей части дистантно.

На лексико-фразеологическом уровне были использованы всевозможные просторечные и разговорные формы. Например: *неужто*, *небось*, *выпучить* (глаза), *порядочно* (озадачить), (с этого негодника) *станется*, *пожалуй*, *болтать*, *впору* (наклеить), *вытаращиться*, *застить*, *посреди*, *вздуматься*, *подуматься*, *да* (в значении «но»), *забубнить*, *коли*, *надобно*, *аж*, *хламида* (в значении «нелепая одежда»), *выпучить*, *удосужиться*, *озираться*, *разинуть*, *растопырить*, *опешить*, *уж*, *там-сям*, *худо*, *положительно* (в значении «решительно»), *крутануть*, *видать*, (выпятил губу) *дальше некуда*, *на пару* (с продавцом), *совать нос*, *если уж на то пошло*, *знать не знала*, *того и гляди*, *нивесть в чем* и т. п.

Мы полагаем, что подобный способ передачи создает ощущение разговорной речи, характерной для обиходно-бытовой сферы общения, и делает ее отличной от нормативной речи. Как мы уже отмечали, мезолектальный креольский язык используется Гортензией в основном именно в этой сфере; кроме того, являясь для англоязычного читателя диалектом, он оказывается стилистически более сниженным. Благодаря использованным просторечиям русскоязычный читатель распознает отклонение речи рассказчицы от нормы.

Для достижения эффекта не совсем обычной, обусловленной сюжетом, разговорности мы также использовали лексику с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *морозец*, *пальчик*, *малепушенький*, *кумушка*,

дурочка и т. п.

Мы попытались также отразить особенности произношения героини, которые, впрочем, присущи всем ямайцам с ее уровнем образования. Из-за этих особенностей ее не понимают встречающиеся ей англичане.

Здесь мы пошли двумя путями. Во-первых, использовали графические средства. В переводе беседы Гортензии с водителем мы, памятуя о том, что девушка тщательно выговаривает все слова, передаем название улицы приемом транслитерации: *Неверн-стрит*. Таксист же, проглатывая буквы, произносит, как полагается: *Невн-стрит*. Тем самым, мы даем русскоязычному читателю возможность понять, что произношение Гортензии отличается от местного.

Во-вторых, мы использовали лексические средства. Приведем фрагмент оригинала:

'Excuse me,' I said, 'but would you perchance have a basin that I might get a use of?'

'A what?'

'A basin,' I repeated.

'Sorry.'

'A basin to put at the sink.'

'A bee – to put what?'

'A basin.'

'I'm sorry but I don't understand what you are saying.'

I thought to say it again slower but then remembered an alternative that would work as well. 'A bucket,' I said.

'A what?' she started again.

В нашем переводе он выглядит так:

– Скажите, пожалуйста, у вас случайно нет лоханки для умывания, которой я могла бы воспользоваться?

– Чего у меня нет?

- *Лоханки*, — повторила я.
- Простите, что?
- Мне нужна *лоханка*, чтобы ставить в мойку.
- Чтобы что ставить?
- *Лоханку*.
- Извините, не понимаю.

Я бы повторила еще раз, медленнее, но вдруг вспомнила другое подходящее слово:

- Мне нужна *бадейка*.
- Что-что вам нужно?

В этом фрагменте англичанка имитирует даже манеру произношения Гортензией начального слога слова *basin*: *bee*, благодаря чему англоязычный читатель видит, что ее произношение действительно отличается от стандартного⁹. Вместо того, чтобы передавать *basin* и *bucket* как *таз* и *ведро* соответственно, мы решили заменить их гиперонимами *лоханка* и *бадейка*, которые, на наш взгляд, являются менее употребительными в современной разговорной речи и менее привычными для читателя перевода, и таким образом становится понятно, почему жительница Лондона не понимает то, что говорит негритянка. Подчеркнем, что для достижения бóльшего эффекта затрудненного понимания мы намеренно использовали не слова *лохань* и *бадьа*, а лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Компенсация применялась и на синтаксическом уровне.

Во-первых, некоторые невосклицательные предложения мы передавали при помощи восклицательных, так как последние являются более эмоциональными и помогают, тем самым, передать настроение Гортензии, столкнувшейся с тем, что она меньше всего ожидала увидеть. Приведем примеры.

⁹ Longman Pronunciation Dictionary рекомендует произносить *basin* как ['beɪsɪn], а Квини начинает со слога [bi:].

Don't tell me there was a cat that must also live with us in this room.

Не хватало, чтобы в этой комнате с нами еще и кошка жила!

Хотя формально восклицание в английском предложении не выражено, мы все же видим порядок слов, характерный для предложения восклицательного, поэтому мы сочли возможным постановку восклицательного знака в переводе. Кроме того, мы использовали разговорную конструкцию *не хватало, чтобы*, обладающую негативной коннотацией. Напомним, что анализируемая фраза встречается в рассказе Гортензии о ее беседе с англичанкой, к которой она постепенно начинает испытывать неприязнь. Русская пренебрежительная конструкция выражает эту эмоцию.

Теми же соображениями мы руководствовались и в приведенном ниже отрывке:

The impression I received was that she was talking to me as if I was an imbecile.

An educated woman such as I.

Очень походило, что она принимает меня за дурочку. Меня, хорошо образованную девушку!

В русском использован прием парцелляции с повтором-подхватом, так как он ярче отражает негодующее отношение Гортензии к происходящему, чем, скажем, фраза: «Такую образованную девушку, как я!», которая близка синтаксически к оригиналу, или «Ведь я такая образованная!». Использованная эмфаза сигнализирует одновременно о разговорном характере высказывания и о возмущении рассказчицы. Ошибку *such as I* мы попытались компенсировать через глагол *походить* (с управлением *на кого-л./что-л.*), опустив предлог с местоимением *то* и сразу поставив союз *что*. Подобное усеченное управление также демонстрирует разговорность речи. Понимая, что полностью невозможно передать все особенности диалектальной речи нашей героини, мы старались как можно точнее передать ее чувства, которые меняются на протяжении романа. Ведь именно перемена эмоционального отношения Гортензии к происходящему, к окружению, составляет один из главных посылов авторского

замысла. И мы стремились не ослабить ее эмоции и передать их по-русски как можно естественнее.

Приведем еще несколько иллюстраций избранного нами способа:

The woman laughed so raucous I swear the window rattled.

Англичанка пронзительно расхохоталась. Клянусь, даже оконное стекло зазвенело!

Здесь мы не просто употребили восклицание с эмоциональным *клянусь*, но и разбили английское высказывание на два, так как для русской эмоционально окрашенной разговорной речи более характерны краткие предложения.

В следующем примере также использовано русское восклицательное предложение вместо соответствующего английского невосклицательно-вопросительного, и первое предложение разбито на два. Цель этих преобразований та же, что и предыдущих примерах.

Was I to eat this bread now this man had touch it up? With his other hand he wiped his nose as he held out the bread for me to take. I did not take it, for I was waiting on him to place the bread into a bag to wrap it.

Как можно есть хлеб после этого рыжего?! Он еще и нос рукой вытирает! Протянул мне ломоть, но я не взяла, продавец обязан положить его в пакет — чтоб было в обертке.

Кроме того, мы провели лексическое преобразование, заменив *this man* в оригинале на *этого рыжего* в переводе. Основываясь на утверждении, что «рыжие волосы стабильно связаны в языковом сознании русских и англичан с неординарностью поведения, что, видимо, предопределяется устойчивым п е й о р а т и в н ы м [разрядка наша — В.В.] приращением компонента "рыжий" в пословицах и поговорках русского языка» [12. С. 205], мы решили дать именно такой вариант перевода, так как он, во-первых, соответствует действительному цвету волос продавца, а во-вторых, отражает отрицательное, презрительное отношение Гортензии. Помимо этого, мы использовали разговорный вариант *чтоб* вместо *чтобы* и просторечное слово *обертка*.

Употребление в переводе в восклицательном предложении настоящего времени, тогда как время соседних — прошедшее, дополняет оттенок спонтанности и разговорности. Некоторый эмоциональный нажим применен нами еще и для того, чтобы приблизить русский текст к английскому по выразительности. Англичанин более ярко и эмоционально видит описываемые ему хорошо знакомые картины, чем русский читатель.

Разговорный характер речи мы передавали и с помощью русских вопросительных предложений там, где в оригинале было простое повествование. В приведенном ниже примере перевода Гортензия задает вопрос в сердцах: ей надоела назойливость хозяйки, и она мечтает поскорее от нее избавиться. Экспрессия усиливается за счет частицы *ж*. Учитывая, что ранее героиня весьма нелестно отзывалась о Квини, мы считаем такую компенсацию уместной, чтобы выразить эмоциональное напряжение Гортензии.

I was nodding and smiling like a half-wit while all the time opening the door so this woman might leave me in peace.

Я взялась за дверь, кивая и улыбаясь, совсем как слабоумная. Когда ж она оставит меня в покое?

He pick up the potato with his finger to hold it up to show me. Any fool could tell it would burn him. He drop it again and blow on his hand. I tell him the Englishwoman downstairs assure me this is a chip.

Взял рукой горячий кусок и сует мне. Каждый дурак ведает, так и обжечься можно. Гилберт, конечно, картошку уронил и ну дуть на пальцы. Я говорю, англичанка с первого этажа уверила меня, что это и есть соломка.

В этом фрагменте Гортензия не использует маркеры для обозначения прошедшего времени глаголов *to pick, to drop, to blow, to tell, to assure*, что характерно для разговорной речи носителей низкого варианта креоля. В русском переводе мы решили проявить эту особенность путем чередования

видо-временных форм глаголов, используя в рамках одного абзаца формы и настоящего, и прошедшего времени — так создается эффект спонтанности и непродуманности речи. Для его усиления мы употребили просторечный вариант *ну + инфинитив*, который в конкретном случае, по нашему мнению, носит и ироничную коннотацию. *Ведает* компенсирует невозможность передать слишком строгую грамматику, легкая архаичность этого слова повышает регистр временной отнесенности ее речи. Впрочем, на этом мы подробнее остановимся дальше.

She perused the place as if this was her home. Pushing her nose into corners, she walked the room as if inspecting some task she had asked of me. Alighting upon the sink she said

...и она стала озирать комнату. Расхаживает по ней, как у себя дома, сунула нос во все углы, словно проверить, исполнила ли я какие-то ее поручения. Увидела мойку.

Несмотря на то, что в приведенном отрывке Гортензия правильно употребляет формы глаголов, мы сочли уместным передать их в переводе инфинитивом, который был бы нормой, если его употребить в качестве обстоятельства цели. Но здесь он выступает как сравнение, что создает в русском языке некоторую неловкость. Это еще одна компенсация речевых недочетов и грамматических ошибок, встречающихся в других местах.

Just his big body blocking all the heat of the fire with steam rising from his coat like a dragon.

Сидит себе, загородил телесами камин, от пальто дым валит, как из драконовой пасти.

Гортензия недовольна Гилбертом, поэтому в соседних с приведенным предложением фразах она использует креольский и совершает грамматические ошибки. В переводе мы передали ее негодование при помощи глагола *сидит* с разговорной частицей *себе*, противопоставляющей усилия героини действиям

(вернее, бездействию) ее мужа. *Big body* мы перевели как *телеса* — это устаревшее слово несет ироничный оттенок, ведь Гортезия, среди прочего, пытается выставить Гилберта дураком, подсмеивается над ним, его необразованностью и неуклюжестью. *Rising* мы передали с помощью глагола *валит*, обладающего, в отличие от возможных вариантов *поднимается/идет*, эмоциональной окраской, нужной нам для создания речевой характеристики девушки.

Что касается синтаксиса, то вместо английского предложения, являющегося, по сути, следствием парцелляции — обстоятельством сопутствующего действия с таким же обстоятельством внутри него, в переводе мы использовали сложносочиненное предложение, состоящее из трех простых, последнее усложнено сравнением. Этим подчеркнута разговорность, а эмоциональная окраска передана лексически.

But I waited until she was outside my door in case she had a mind to turn and sit back upon the seat. I said...

Я подождала, пока хозяйка выйдет в коридор, чтобы не было у нее соблазна вернуться на насиженное место, и спросила...

Пример иллюстрирует еще один случай компенсации, к которой мы неоднократно прибегали в процессе перевода. Английское *the seat*, относящееся к стулу в комнате Гортензии и Гилберта, мы передали русским фразеологизмом *насиженное место*. «Большой толково-фразеологический словарь русского языка» объясняет его как «[место] привычное, пригретое, выгодное (с которым не хочется расстаться)»; в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова он встречается с пометой *разг.* Исходя из того, что рассказчица, порядком уставшая от Квини, всеми силами старается выдворить ее из комнаты, мы приняли решение в нашем варианте передать эксплицитно эмоции Гортензии. Стул, с которым хозяйка будто сжилась, может стать препятствием на пути к избавлению от нее; в переводе стоит разговорное выражение, которое, к тому

же, в данном случае несет негативную коннотацию, требуемую для передачи характера героини.

3.2.1 (б) Ямайский английский язык

Не будем забывать, однако, что Гортензия говорит не только на креольском, но и на ямайском английском языке (его «книжной» разновидности), используя высокопарные и устаревшие слова и грамматически слишком правильные предложения.

В связи с этим в нашем переводе мы, вслед за оригиналом, использовали устаревшую и книжную лексику: *весьма, нежели, отнюдь, аки* (дьявол), *снедаемый, столь, промолвить, ибо, испустить, беспокоиться* (в значении «встревожиться»), *растворить* (дверь), *будто, блазнить, поворотиться, образить, воссесть, смежить* (веки), *созерцать, внимать, соблаговолить, разомкнуть* (глаза), *поведать, возрадоваться, подобать, узреть, снеть, вероятие* и т. п.

Прибегли мы также и к различным способам компенсации. Рассмотрим следующий пример:

Miraculous – it was then I heard a bird sing. Oh, so joyful. Finding colour through a window its spirit rose to chirrup and warble.

И о чудо — в эту самую минуту раздалось щебетание! Радостные залиvistые трели птицы, которая, как видно, заметила сквозь стекло эту яркость.

В последнем предложении оригинала Гортензия употребляет метафору-олицетворение: щебечет и издает трели, увидев яркие цвета, не сама птица, а ее «настроение». Как мы уже отмечали ранее, подобная витиеватость часто встречается в ее рассказе; она свидетельствует о ее ярком воображении и впечатлительности. Вместе с тем, героиня путает прилагательное (*joyful*) с наречием (*joyfully*), что тоже характерно для ее речи. Отметим и употребление прилагательного *miraculous* без сопутствующего существительного в назывной

позиции.

В переводе мы постарались передать и экспрессию, используя восклицание *о чудо* с междометием *о*, отражающим изумление, в составе восклицательного предложения; и неправильность речи — через разговорное *приметила*. Отказавшись от воспроизведения метафоры оригинала ввиду ее громоздкости на русском языке, мы не только компенсировали витиеватость в других местах нашего перевода, но постарались сохранить часть ее в этом фрагменте, использовав *яркость* не как абстрактное понятие, а в качестве синонима к слову «одеяло»; указательное местоимение *эту* сигнализирует о конкретном характере лексемы. Кроме того, в переводе за предлогом *сквозь* следует существительное *стекло*: по правилам современного русского языка с предлогом сочетаются существительные в В.п., «Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова помечает вариант с Р.п. как устаревший. Выбор нами устаревшей формы обусловлен тем, что для русскоязычного читателя она необычна, как необычна для читателя оригинала речь героини.

Как мы неоднократно упоминали, в речи Гортензии смешиваются и высокопарные, и разговорно-неправильные элементы. Остановимся на том, как мы пытались передать эту особенность.

I thought to take the shell from the egg but I had in mind to watch how this man I had married would eat the egg.

Я сначала намерилась снять скорлупу, да тут вздумалось мне поглядеть, как муженек мой будет его есть.

Гортензия употребляет два синонима *to think* и *to have in mind to do* в одной и той же видо-временной форме, без маркирующего обстоятельства, и на первый взгляд кажется, что действия происходят одновременно, однако по логике первое действие предшествует второму. Эта алогичность создает эффект неподготовленной речи; в своем переводе мы восстановили логику, выразив

отношения последовательности эксплицитно, но компенсировали эффект за счет разговорной лексемы *да* (в значении *но*). Сочетание *вздумалось поглядеть*, включающее книжное слово и слово с разговорным оттенком, передает двойственность речи героини.

Вместе с тем, Гортензия использует витиеватый парафраз, говоря о своем муже *this man I had married*. Заметим, что подобный прием с некоторыми вариациями встречается в романе не раз (*the buffoon she [Hortense — B.B.] had married*), подчеркивая неприязнь Гортензии к Гилберту — в романе она, за редким исключением, никогда не называет его мужем. В данном случае мы решили отказаться от парафраза в русском, так как возможный вариант *этот мужчина, ставший мне мужем* показался нам слишком развернутым, особенно если учесть, что приведенный выше в скобках пример мы как раз передали по этой модели — наличие в переводе громоздких повторяющихся конструкций мы сочли неприемлемым. Отрицательное отношение Гортензии мы стремились передать иными лексемами, как, например, словом *телеса* из рассмотренного выше фрагмента. Витиеватость и книжность речи, которую нам не удалось передать в иных местах, мы компенсировали здесь — используя форму *намерилась*, значащуюся в «Большом толковом словаре русского языка» как устаревшая, и инверсии *вздумалось мне* и *муженек мой*. Отметим также, что *муженек*, в отличие от своего гиперонима, передает необходимый иронично-негативный оттенок.

Наложение двух пластов имеется и в следующем примере:

I determined then to make this place somewhere I could live – if only for this short while.

Я вознамерилась привести комнату в божеский вид, пускай проживу в ней всего ничего.

В английском предложении наблюдаются отклонения от стандартной разговорной речи: использование конструкции *for this short while* вместо *for a (short) while*, опущение предлога *into* после *make*. В русском предложении мы

сочли уместным компенсировать речевые особенности Гортензии, одновременно употребляя глагол *вознамерилась* с книжной, устарелой, согласно уже упоминавшемуся словарю Д.Н. Ушакова, приставкой *воз-* и разговорные выражения *в божеский вид* и *всего ничего*. Отметим попутно, что в некоторых предложениях в нашем переводе мы использовали обороты со смыслообразующим компонентом «бог» (типа *в божеский вид*) там, где в оригинале соответствующих им английских оборотов нет. Приведем одно из них:

I decided then that if one of his fingers so much as brushed the cover on the bed I would scream so loud that ears back home in Halfway Tree would hear me.

Не дай Бог он хоть пальцем коснется моего одеяла — я так закричу, что слышно будет до самого Кингстона, подумала я.

Большинство подобных фразеологизмов уже почти не несут религиозного оттенка, однако, учитывая, что Гортензия жила в набожной семье, в среде образованных ямайцев и англичан, исповедовавших христианство, мы решили использовать такие обороты, надеясь актуализировать у читателей перевода первоначальные ассоциативные связи. Другими словами, они как бы сигнализируют об уровне образованности героини. Вспомним хотя бы «Приключения Тома Сойера» М. Твена, где каждый ребенок из хорошей провинциальной семьи усердно заучивал Библию. С другой стороны, многие подобные фразеологизмы снабжены в словарях пометой «разг.»; таким образом, они еще и подчеркивают разговорность речи героини. Подобная компенсация уместна в данном фрагменте, так как в оригинале употреблен неправильный, витиеватый оборот *so much as brushed*.

Вернемся к наложению сниженно-разговорной речи на высокопарную.

Politeness and good breeding left me no choice. I opened up the door a little way.

Делать нечего, вежливость и хорошее воспитание побудили меня открыть дверь, самую чуточку.

В своем переводе мы сохранили метафору-олицетворение первого

предложения, признак витиеватости речи, и вместе с тем употребили разговорные вводную конструкцию *делать нечего* и форму *чуть-чуть* — опять-таки, в целях компенсации элементов других фрагментов оригинала.

The barefaced cheek of the question sucked all the breath from me. Did she want to know all my business? I just look on her and wait.

От такой откровенной наглости у меня сперло дыхание. Ей что, обязательно знать обо мне все? Я молча воззрилась на нее.

В оригинале мы видим витиеватую метафору *the cheek of the question sucked all the breath* и неправильное употребление видо-временных форм глаголов *look* и *wait*. В переводе мы использовали сниженно-просторечный глагол *спереть*, разговорную эмфатическую вставку *ей что*, а для передачи высокопарности — книжный глагол *воззрилась*.

Следующее английское предложение буквально пестрит ошибками: игнорируется форма прошедшего времени глагола, неправильно употреблены прилагательное вместо наречия и предлог после глагола:

He gaze on me inscrutable for a long while...

Гилберт впери́л в меня непроницаемый́ взор.

Переводя его на русский, мы придали ему оттенок высокопарности через книжное выражение *вперить взор*. Наше решение мотивировано тем, что Гортензия ведет себя по отношению к Гилберту презрительно-снисходительно, поэтому использует высокопарную лексику, как бы показывая, что стоит выше него. Это еще один из примеров использованной нами компенсации.

For we both stared, certain we were viewing an apparition before us.

Мы уставились друг на друга, будто невидаль какую лицезрели.

Это еще один случай наложения двух пластов — сочетание в одном предложении разговорного слова *невидаль* и книжно-устаревшего *лицезреть*.

But it was not the fault of my foot that the sheet was so flimsy it ripped in two as easy as paper.

Нет, нога моя ни в коей мере не повинна в том, что эта тонюсенькая простынка легко, как лист бумаги, разорвалась пополам.

В переводе мы сохранили персонификацию *it was not the fault of my foot*, используя при этом книжные лексемы *ни в коей мере* и *повинный* для передачи витиеватого характера речи героини. А также использовали рядом два слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*тонюсенькая простынка*) для усиления эффекта разговорности и образности речи.

3.2.2 Передача речевых характеристик Гилберта

При переводе главы тридцать второй, написанной от лица Гилберта, мы действовали по той же схеме, что и в случае с рассказами Гортензии. Нам необходимо было передать и неправильности, и возвышенную речь, витиеватость. Напомним, что ошибок в его речи встречается больше, а витиеватых конструкций меньше, чем в речи Гортензии.

Исходя из этого, мы, с одной стороны, использовали книжную и устаревшую лексику: *взирает*, *коими*, (пасть) *разверста*, *да* (в значении *но*), *вымолвить*, *минуло*, *оборотились* и т. п.

Для передачи возвышенной речи мы иногда прибегали к метафорам-олицетворениям, хотя в оригинале их не было. Например:

Her [Hortense's — V.V.] face was still set haughty.

На ее лице все еще стынет высокомерие.

Здесь глагол *стыть*, одно из значений которого по четырехтомному «Словарю русского языка» — «неподвижно стоять», употреблен нами в переносном смысле — «долго не исчезать». Мы полагаем, что он служит и для передачи ироничного отношения Гилберта к Гортензии.

Приведем еще один пример:

Her face, even after this time, remained set in an ill-tempered frown.

Ее лицо, хоть минуло столько времени, хранило злобную нахмуренность.

Здесь мы также употребили олицетворение, хотя этот случай можно счесть и

переходным: данная метафора, по сути, является стертой.

В ряде случаев для придания речи оттенка высокого стиля мы использовали инверсию:

Regret had its hand clasped to my throat as I walked that London street, my desire smothered and choking.

Разочарование крепко вцепилось мне в горло, и мечта моя задыхается.

С другой стороны, мы использовали всевозможные разговорные и просторечные слова и выражения: *знать, маленько, мамаша, сварганила, кличет, духовитый, токмо, эдакой, глянула, башковитого, леденчик, глазищи, вперилась, цапнула, языки чешут* и т. п.

В следующем примере мы применили прием антонимического перевода:

But how long before her chin is cast down?

Сколько еще ее подбородку торчат ввысь?

Толковые словари русского языка дают глагол *торчат* с пометой «неод.». Употребление этой лексемы в переводе помогает передать неодобрение Гилбертом чрезмерной, на его взгляд, напыщенности Гортензии.

Выше мы рассмотрели примеры перевода одного предложения. Рассмотрим наши действия в рамках целого фрагмента текста:

Sitting on the veranda, he was watching the Jamaican sun as, lowering, the sky glowed purple orange blue pink. Sucking on soursop, the juice sticky on his chin, the flesh fat between his teeth. [...] he raise his legs on to a foot-rest and sigh.

Сидит на веранде и таращится на ямайский закат, заходит солнце и небо переливается багровым, оранжевым, синим и розовым. Задерет усталые ноги и вздохнет. Вот всосался в сметанное яблоко, липкий сок течет по подбородку, в зубах застряла жирная мякоть.

В этом фрагменте мы одновременно наблюдаем и признак мезолектального креоля — неправильное употребление форм глаголов, и проявление

цветистости ямайского английского языка. Отказавшись от передачи грамматической неправильности по указанным ранее причинам, в нашем переводе мы попытались передать некую картинность рассказа при помощи разных видовременных форм русских глаголов. Использование будущего времени глаголов совершенного вида, имеющих перфектное значение (*задерет, вздохнет*), рядом с прошедшим временем, имеющим перфектное значение (*всосался*), и настоящим (*течет*) помогает почувствовать картинность, а также и эффект разговорности речи.

3.3. Выводы по Главе 3

Проанализировав перевод глав романа Андреа Леви «Маленький остров» на русский язык, мы сделали ряд выводов относительно возможных способов передачи речевых характеристик героев.

Так как в анализируемых нами главах доминируют два языковых пласта, мы можем разделить наши способы на две группы.

Во-первых, для компенсации грамматических ошибок, которые имеются в оригинале в их разговорной речи, мы предлагаем использовать следующие способы:

1. для передачи фонетических особенностей:
 - графические средства;
2. на морфологическом уровне:
 - неправильное употребление падежей местоимения «что»;
3. на лексико-фразеологическом уровне:
 - просторечные и разговорные лексемы, включая конструкции со смыслообразующим компонентом «бог»;
 - лексику с уменьшительно-ласкательными суффиксами;
4. на синтаксическом уровне:
 - восклицательные предложения вместо повествовательных;
 - вопросительные предложения вместо повествовательных и

восклицательных;

- дробление предложений на более короткие;
- разговорные конструкции с эмфатическими выделениями;

5. на уровне текста:

- разные видо-временные формы глагола в рамках одного фрагмента.

Во-вторых, для передачи высокопарности и цветистости речи предлагаем использовать следующее:

1. на морфологическом уровне:

- устаревшие падежные формы употребления предлога;

2. на лексико-фразеологическом уровне:

- устаревшие и книжные лексемы;
- абстрактные существительные в значении конкретных;

3. на синтаксическом уровне:

- инверсию;

4. метафоры-олицетворения.

Зачастую англоязычный адресат произведения чувствует эмоции рассказчиков по регистру их речи, имплицитно. Однако при переводе эта имплицитность теряется, так как в русском языке нет соответствующих идиомов. Для этого случая мы предлагаем использовать слова с ироничной, негативной или пейоративной окраской, то есть, прибегать к экспликации, вместе с тем сохраняя необходимый эффект разговорности.

Кроме того, речь рассказчиков нередко представляет собой своеобразную смесь из нескольких идиомов. В этой связи мы рекомендуем использовать в рамках одного предложения одновременно и разговорные, и высокопарные (архаизированные, устаревшие) элементы.

И еще одна рекомендация. Прежде чем переводить текст, имеющий различные отклонения от нормативного языка, необходимо разобраться, чем вызваны эти отклонения, понять, как они влияют на создание характеров героев

и организацию сюжета произведения в целом.

Заключение

Мы надеемся, что в нашем исследовании нам удалось раскрыть заявленную тему. Мы постарались предельно четко обрисовать речевые характеристики героев романа А. Леви «Маленький остров», описать языковую ситуацию на Ямайке, чтобы дать представление о том, что является собой феномен переключения с одного идиома на другой, и дать рекомендации относительно способов передачи этих языковых особенностей. Мы полагаем, что выбранная нами тема заслуживает дальнейшего развития.

Библиография

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com>
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. Кузнецов С.А. Спб.: Норинт, 2009.
5. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1987. 159 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
7. Виноградов В.В. О теории художественной речи: Учеб. пособие / Академик В.В. Виноградов. — 2-е изд., испр. — М.: Высшая школа, 2005.
8. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. — Изд. 4-е. — М.: Р.Валент, 2009. 360 с.
9. Выготский Л.С. Психология искусства / Под ред. М.Г. Ярошевского. — М.: Педагогика, 1987. 344 с.
10. Дьячков М.В. Креольские языки. М.: Наука, 1987.
11. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М., 1984.
12. Кулинская С.В. Цветообозначения: национально-культурные особенности функционирования (на материале фразеологии и художественных текстов русского и английского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002.
13. Липатов В.В. Две повести. ...Еще до войны. Серая мышь. М.: Молодая гвардия, 1972. 272 с.

14. Литературная энциклопедия. Т. 11 / Гл. ред. Луначарский А.В. М.: Худож. Лит., 1939. 824 стб.
15. Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка. М.: ЭТС, 2005. 2208 с.
16. Николаев А.И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС, 2011.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Шведовой Н.Ю. — 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.
18. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении. Учебное пособие. М., 2008.
19. Перехвальская Е.В. Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: Автореф. дис. ... д. филол. наук. Спб., 2006.
20. Петровский М.А. Морфология пушкинского «Выстрела» // Проблемы поэтики: Сб. ст. / Под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л., 1925.
21. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. Под ред. Евгеньевой А.П. — 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
22. Степанов Ю.С. Ямайка. М.: Мысль, 1980. 167 с.
23. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. 4-е, изм. изд. М.; Л., 1928.
24. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Под ред. Т. Никитиной. М.: Альта-Принт, Дом. XXI век, 2009. 1248 с.
25. Шкловский В.Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., 1928.
26. Шкловский В.Б. Пародийный роман. «Тристрам Шенди» Стерна // Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1929.
27. Шмид В. Нарратология. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

28. Яковлева М.А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 130 с.
29. Cassidy, Frederic G. Jamaica Talk: Three Hundred Years of the English Language in Jamaica. — University of the West Indies Press, 2007.
30. Levy, Andrea. Small Island. London: Headline Review, 2009.
31. Patrick, Peter L. Creoles at the Intersection of Variable Processes: (TD)-Deletion and Past-Marking in the Jamaican Mesolect [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://privatewww.essex.ac.uk/~patrickp/papers/jctdlvc1991.pdf>
32. Random House Webster's Unabridged Dictionary, Second Edition. USA: Random House. 2230 p.
33. Sullivan, Colleen. Jamaican Patois. Speech 214 – Rhetoric of Reggae [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://debate.uvm.edu/dreadlibrary/sullivan.html>
34. Wells, J.C. Longman Pronunciation Dictionary. Pearson Education Limited, 2007.
35. Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/books/2004/feb/14/featuresreviews.guardianreview10>
36. Режим доступа: <http://www.omniglot.com/writing/jamaican.php>

Приложение 1

Глава первая

Гортензия

Во мне тут же пробудились воспоминания. Силия Лэнгли. Силия Лэнгли, подбоченясь, стоит передо мной, а мысли ее витают в облаках. Она говорит: «Ах, Гортензия, вот повзрелею (все ее мечты начинались со слов «вот повзрелею...»), уеду я тогда с Ямайки и поселюсь в Англии». В такие минуты голос Силии звучал горделиво, а нос устремлялся в небо — если можно так сказать про ее круглый приплюснутый нос — и она, слегка покачиваясь, рисовала в воображении картины будущего: «В Англии, Гортензия, у меня будет большой дом со звонком на парадной двери, я буду в него звонить и слышать: динь-дон, динь-дон... Представь, я в Англии и у меня дверной звонок. Вот повзрелею — так все оно и будет».

Я же ничего не говорила. Вернее, просто кивала и поддакивала: «Конечно, Силия Лэнгли, так и будет». Я не смела тогда и мечтать, что придет день, и я, именно я, поплыву в Англию. Поплыву на огромном, как мир, корабле, прочь от палящих лучей солнца, навстречу ласковым. И все же... Вот она я, стою в Лондоне на пороге дома и звоню в дверь! Звоню, ожидая услышать «динь-дон, динь-дон». Эх, Силия Лэнгли, где же ты с твоей горделивой мечтой и задранном носом? Видела б ты меня! Представь себе, я в Лондоне! Гортензия Робертс, замужем, в чемодане свадебное платье, на пальце обручальное кольцо. Теперь я миссис Джозеф. Миссис Гилберт Джозеф. Как тебе, Силия Лэнгли? Я в Англии, звоню в дверь одного из самых высоких домов, каких видела.

Звонка, однако, я не услышала. Никакого тебе «динь-дон, динь-дон». Нажала еще раз — вдруг звонок худо работает. Дом-то довольно потрепанный, хотя сразу видно, настоящий особняк. Когда-то здесь, наверное, жил врач, адвокат, дальний знакомый короля или еще какой уважаемый человек. Фасад с колоннами. Колонны нарядные, украшенные искусным орнаментом. Цветные

витражи, прямо как в церкви. Несколько стекол, правда, недостает, их заменяют картонки, прикрепленные белой клейкой лентой. Каких только бед не натворили бомбы мистера Гитлера во время войны!

Никто не откликнулся, и я позвонила снова, прижавшись ухом к окну. На этот раз загорелся свет, и послышался женский голос: «Да иду, иду! Подождите минутку!»

Я спустилась на пару ступенек, стараясь не наступить в собачьи дела — кучку среди мусора и опавшей листвы. Одернула пальто, пригладив его там, где нет пуговицы: ее, к сожалению, я лишилась на пристани. Поправила шляпку, вдруг она потеряла форму в этом сыром воздухе — выглядеть смешной мне не хотелось. Выпрямила спину.

Дверь отворила англичанка. Светловолосая, розовощекая англичанка с такими голубыми глазами, что они, казалось, освещают всю улицу. Она посмотрела на мое лицо и, разомкнув узкие губы, спросила: «В чем дело?»

– Это дом мистера Гилберта Джозефа? — осведомилась я.

– Простите?

– Гилберта Джозефа? — повторила я медленнее.

– Ах, Гилберта... А вы кто? — она произнесла имя на такой странный манер, что я уж было подумала, что ошиблась адресом.

– Мистер Гилберт Джозеф — мой муж... Я его жена.

Лицо ее выразило одновременно удивление и радость.

Она оглянулась вглубь дома, будто кого-то искала. Затем, повернувшись ко мне, уточнила:

– Разве он не поехал вас встречать?

– Я его там не видела. Однако, сделайте милость, скажите, он пребывает здесь?

– Что? — сдвинув брови, переспросила она и взглянула через мое плечо на чемодан, оставленный водителем на обочине. — Это ваш?

– Да.

– Размером с остров Уайт! Как вы его дотащили? — она хихикнула, в глазах и уголках губ появилась легкая ухмылка.

Я тоже улыбнулась, хотя и знать не знала об этом острове, и стала ей объяснять:

– Я приехала на такси. Водитель положительно сказал мне, что адрес правильный. Это дом Гилберта Джозефа?

Помедлив, англичанка ответила:

– Подождите тут. Пойду загляну к нему.

И с этими словами захлопнула дверь перед моим носом.

А я задумалась, как может девушка ростом всего-то пять футов шесть дюймов (на дюйм выше, если надеть свадебные туфли), как может хоть кто-нибудь моего роста взобраться на последний этаж такого высоченного дома? В голову пришла только одна мысль — единственно с помощью лебедки. У нас на Ямайке лестницы есть. Даже в одноэтажных домах, по ним гости проходят на кухню и на веранду. И в колледже была лестница, которая вела в спальни, находившиеся на разных этажах. Но, глядя на эту громадину, я ничего лучше лебедки вообразить не могла. Похоже, я слишком много времени провела на корабле.

В своем последнем письме Гилберт Джозеф обещал встретить меня на пристани, когда мой корабль приплывет в Англию. Исписал целых две страницы, рассказывая, как будет меня встречать. «Ты увидишь меня, я буду радостно махать рукой своей юной жене, которая наконец-то прибыла в Англию. Я буду прыгать и возбужденно кричать твое имя». И вдруг мне подумалось, а что если он забыл мое лицо, ведь мы полгода не виделись. По каким приметам он меня узнает? Нахмурившаяся девушка недоуменно уставилась на своего мужа, этого скачущего и машущего руками шута?

Но все это не имело значения — Гилберта на пристани не было. Никто не подходил под его описание. Прыгали и махали руками лишь вновь прибывшие

с Ямайки — те, кто сходил с парохода. Женщины, ежившиеся в своих лучших воскресных нарядах — ситцевых платьях с трепещущими бантиками и кружевами; их пестрые шляпки и белые перчатки ярко выделялись в вечерних сумерках. Мужчины в костюмах, в галустках-бабочках, элегантных шляпах. Все они прыгали и махали. Прыгали и махали тем, кто пришел их встречать. Чернокожим мужчинам в темных потертых пальто и вязаных шарфах, сутулившимся от холода. Встречающие напряженно щурились, пытаясь разглядеть знакомые сумки, волосы, ботинки, лицо, услышать знакомый голос. Оглядев заокеанский багаж, они, вытаращив глаза, с ужасом прикидывали, как доставить его домой. И приветствовали объятых волнением родственников одними и теми же словами: «Гуайяву¹⁰ везете, ром везете, может, у вас тут и ямс¹¹ есть?»

Едва я ступила на британскую землю, как ко мне подбежала англичанка. Тяжело дышавшая, раскрасневшаяся. Повернула меня к себе с такой силой, что одна из пуговиц моего пальто оторвалась и со скоростью пули полетела в толпу.

– Мелисса? — спросила она меня. Я хотела поискать мою бедную пуговицу: пальто стоило мне больших денег, но англичанка не отстала:

– Ты Мелисса?

– Нет, я Гортензия, — гордо ответила я.

Англичанка цокнула языком, очевидно, недовольная моим ответом. Набрала в легкие воздуха и выпалила:

– Ты Мелиссу не видела? Она тоже оттуда. Она будет работать у меня няней. Я немного опоздала. Ты, наверняка, ее знаешь. Мелисса. Ты знакома с Мелиссой?

10 Гуайява — вечнозеленое дерево сем. миртовых, высота 3—6 м. Растет в тропиках Америки, возделывается во всех тропических странах. Его кисло-сладкие, сочные, ароматные плоды используются в пищу в сыром и переработанном виде (Здесь и далее примечания переводчика).

11 Ямс — обобщенное название более 150 видов лианоподобных растений сем. диоскорейные. Произрастает в Южной Америке, Африке и странах Карибского бассейна. Клубни ямса, богатые белком, калием, марганцем, витаминами, используют в пищу в переработанном виде.

Наверное, мне следует так же тянуть гласные, чтобы слово звучало долго-предолго. Очень по-английски... Я вежливо ответила:

– Нет, извините, я...

Поупражняться с гласными мне не удалось — англичанка разочарованно охнула и ринулась в толпу. Крутанула еще одну ямайскую девушку, и та, увидев вплотную к себе белую женщину, кричащую «Мелисса-а-а, Мелисса-а-а!», издала истошный вопль.

Я прождала Гилберта целых два часа. Два часа наблюдала объятия нашедших друг друга родственников и друзей. Люди смеялись и платками утирали слезы. Спорили, кому куда ехать. Мужчины, пыхтя и обливаясь потом, взваливали на себя чемоданы. Женщины старательно поправляли шляпки, натягивали перчатки. И все уходило в черную холодную ночь через арку, похожую на разинутый рот. Когда толпа поредела, я взялась было искать потерянную пуговицу. Но, увы, найти в таком сумраке столь маленький предмет оказалось невозможно.

Недалеко от меня белый мужчина возил туда-сюда тачку, то полную, то пустую, увлеченно насвистывая какую-то мелодию. Подумав, что он, возможно, знает, как мне добраться до дома Гилберта Джозефа, я взмахом руки обратила на себя его внимание и спросила:

– Прошу прощения, сэр, не будете ли вы так любезны подсказать мне, где находится Неверн-стрит?

Белый человек почесал в затылке, ковырнул в носу и сказал:

– Всю дорогу, детка, я тебя везти туда не смогу.

Похоже, я не очень внятно произнесла свой вопрос, и мужчина меня не понял, ведь не мог же он подумать, что я по своей глупости надеялась прокатиться по улицам Лондона на его двухколесной тачке! Или верхом на нем самом, обхватив ногами его талию!

– Возьми такси, — отсмеявшись над своей шуткой, посоветовал он.

Взглянув прямо ему в лицо, я продолжила:

– Большое спасибо! Не будете ли так добры и не укажете ли место, где этот транспорт останавливается?

– Чего-чего, детка? — растерянно переспросил он, как будто я говорила на каком-то неведомом ему языке.

Адрес таксисту мне пришлось повторять снова и снова:

– Довезите меня, пожалуйста, до Неверн-стрит, дом двадцать один, район Эрлс-Корт. Неверн-стрит, двадцать один. Н-е-в-е-р-н-с-т-р-и-т.

Я старательно произносила слова. У меня было превосходное английское произношение, благодаря которому я даже заняла в школе первое место на конкурсе чтецов, устроенном мисс Стюарт. Прочла «Оду соловью» Китса, меня наградили почетной звездочкой и удостоили чести целую неделю звонить в школьный звонок.

Но водитель все никак не понимал меня:

– Извините, не понимаю. Может, он у вас где-то записан? На бумажке, а? Может, он у вас где-нибудь на бумажке записан?

Я показала ему конверт с письмом мужа, на котором был четко указан адрес, и лицо его, наконец, озарилось пониманием.

– А-а, Невн-стрит, двадцать один. Ну, теперь ясно.

Было полнолуние. Луна то пряталась за облако, то снова являлась. Ее свет искажал улицы Лондона, а то их и вовсе не было видно сквозь окно такси, запотевшее от моего дыхания.

– Вот и приехали. Невн-стрит, двадцать один, — сказал водитель. — Идите позвоните в дверь. Вы слышали о звонках и дверных молотках? У вас там они есть? Позвоните, и кто-нибудь выйдет, — он поставил мой чемодан на обочине. — Вам, конечно, помогут его внести. Надо только позвонить.

Последние слова таксист произнес медленно и отдельно. Точь-в-точь как я, когда учила совсем маленьких детей. И я подумала, что среди белых мужчин работать идут одни дураки.

Вдруг дверь открылась, на сей раз из дома вылетело какое-то непонятное

существо и принялось радостно прыгать вокруг меня. Я даже сначала приняла его за большого пса. Оказалось, это был мой муж.

– Гортензия, ты здесь! Наконец-то, Гортензия! — восклицал он.

Я скрестила на груди руки, села на чемодан и отвернулась. Гилберт стоял передо мной с распростертыми объятьями.

– Умерьте свой пыл, мистер Джозеф.

– Гортензия, ты что, не рада меня видеть? — проговорил он, опуская руки.

– «Ты увидишь меня, я буду радостно махать рукой своей юной жене, которая наконец-то прибыла в Англию, — процитировала я. — Я буду прыгать и возбужденно кричать твое имя».

– Как ты сюда добралась, а? — вот и все, что ответил этот мужчина.

– Без твоей помощи, Гилберт Джозеф, вот как я сюда добралась. Где ты был? Почему не пришел меня встретить? Почему не махал и не кричал возбужденно мое имя?

– Гортензия, послушай, — волнуясь, заговорил он. — Я пришел на пристань, а корабля нет. Мне сказали прийти позже, когда придет корабль. Ну, я и потопал домой, решил хорошенько прибраться к твоему приезду...

Рубашку он, видать, натянул в спешке. Пуговицы застегнуты неправильно: воротник с одной стороны торчит, двум верхним пуговицам нет петель. В брюки засунут только перед, сзади рубашка болтается, как у неряхи-школьника. Шнурок на одном ботинке развязан. И этот оборванец мой муж! Где же тот, кого я помню? Щеголь в двубортном пиджаке и начищенных ботинках. Волосы уложены на пробор, напомажены, изящный нос, подстриженные ногти. А этот болтун — весь какой-то серый, неотесанный. И все же, это он, Гилберт. Ведь только он мог так прыгать вокруг меня, принося свои извинения.

– Ну, и я наострился опять в порт. Выхожу, а тут ты! На пороге стоишь. Вот так нежданная радость! Гортензия, наконец-то ты здесь!

Только сейчас я заметила, что англичанка, открывшая мне дверь, все это

время стояла на ступеньках и глазела на нас.

– Гилберт! — позвала она. — Можно уже дверь закрыть? Ужасный сквозняк!

– Успеется, — как ни в чем не бывало отозвался мой муж.

– Пойдем, — прошептала я, — ты что, хочешь, чтобы вся Англия совала нос в наши дела?

Я вошла в прихожую. Англичанка все смотрела и смотрела на меня. Не отводя глаз, будто я пустое место. Я вежливо кивнула ей и поблагодарила:

Спасибо вам за всю вашу помощь, поспособствовали найти мне моего мужа. Надеюсь, я не очень сильно вас затруднила.

Я думала, что после моих слов она перестанет тарашиться и пойдет по своим делам, но не тут-то было. Англичанка пожала плечами и осталась стоять. Наступило молчание, один Гилберт пыхтел, как неисправный паровоз, пытаясь втащить с улицы мой чемодан.

– Гортензия, что у тебя в нем? — спросил он, появившись в дверях. — Уж не мать ли свою ты прихватила?

Не желая показаться грубой в глазах англичанки, я выдавила из себя улыбку и ответила:

– В этом чемодане все, что может понадобится. Спасибо за помощь, Гилберт.

– Значит, мать в нем есть точно.

Гилберт рассмеялся, обнажив золотой зуб. Знакомый странный смех, скорее напоминающий фыркание, исходящее из самой глубины носа. Я все еще улыбалась, а он начал потирать руки, приговаривая:

– Надеюсь, ты привезла и гуайяву, и манго, и ром...

– Надеюсь, вонючего у вас ничего нет? — прервала его англичанка.

Улыбка сошла с моего лица. Повернувшись к англичанке, я начала ее уверять, что взяла только необходимое, но Гилберт тронул меня за локоть:

– Пойдем, Гортензия, — произнес он, будто не слышал ее слов. — Пойдем, посмотришь, как я живу.

Мы стали подниматься по лестнице. Англичанка крикнула вслед:

– Гилберт, а чемодан? Нельзя ж его так оставлять!

– Да не волнуйся, Квини, успеется, — с улыбкой откликнулся он.

Я крепко держалась за перила. Освещения, можно сказать, не было: горела только одна лампочка, да так тускло, что казалось, будто она не дает света, а забирает его. На каждом витке виднелся следующий крутой пролет, похожий на пустой книжный шкаф. Как бы сейчас пригодилась лебедка! Временами мы оказывались в крошечной тьме, и тогда я шла на ощупь, как слепая, ориентируясь только на дыхание шедшего впереди Гилберта.

– Еще чуть-чуть! — словно пророк Моисей, возвестил он.

Наконец, совсем запыхавшись, я поравнялась с Гилбертом. Он с улыбкой до ушей сообщил:

– Вот мы и на месте.

– Ну и лестницы! Нельзя было найти дом, где их не так много?

Мы вошли в комнату. Гилберт кинулся застилать неубранную постель, из которой он, по всей видимости, вылез совсем недавно. Пахло газом. Гилберт обвел рукой комнату, словно восхищался ею:

– Вот она, комната.

Передо мной — лишь темно-коричневые стены. Колченогий стул одной ножкой опирается на томик Библии. На окне рваная штора. На вешалке брюки и тот самый, двубортный, пиджак.

– Что ж, Гилберт, — проговорила я, — покажи мне остальные комнаты.

В его лице отразилось недоумение.

– Ну, пожалуйста, покажи. Дорога была такая тяжелая, мне просто необходимо отдохнуть.

Муж почесал в затылке.

– Где же остальные комнаты? Которые ты так тщательно прибирал, что забыл меня встретить?

– Это все, — еле слышно произнес он.

– Что, прости?

– Это все, Гортензия. У меня только одна комната.

До одной стены — три шага, до другой — четыре. В углу мойка, из стены торчит ржавый кран. Стол и два стула, один из них со сломанной спинкой, придвинуты к кровати. На кресле — хозяйственная сумка, пижамная куртка и чайник. В газовом камине шипит голубое пламя.

Ноги у меня подкосились, и я рухнула на кровать. Оказалось, жесткую.

– Как?! Всего-то? Ты живешь здесь? Вот в этой комнате?

– Да, в этой, — он вновь обвел комнату рукой, будто на самом деле мы находились во дворце.

– И все?! Ты заставил меня проделать такой путь ради вот этого?

Гилберт втянул в себя воздух и яростно сверкнул глазами:

– А ты чего себе вообразила? Да, это все! Чего ты хотела? Сейчас везде так. Здесь была война. Дома разрушены. Многие живут еще хуже, чем я. Оставалась бы со своей матушкой, коли хочешь уюта. Война была, понимаешь?

Его неряшливо застегнутая грудь нависла прямо надо мной. Протершийся на середине, залатанный ковер. На ковре — кусок хлеба. Гилберт вновь втянул воздух сквозь зубы, вышел и с грохотом спустился по лестнице. Он оставил меня одну.

Оставил наедине с вот этим.

Глава десятая

Гортензия

Хорошо хоть у этого шута Гилберта хватило совести устроиться на ночь в кресле.

В его жалкой комнатухе мне совершенно негде было переодеться в ночную сорочку.

– Иди в ванную, — предложил Гилберт.

Но было холодно, и у меня отсутствовало всякое желание карабкаться по высоченным лестницам в одних чулках и сорочке, да еще и под чьими-нибудь любопытными взорами.

– Знаешь, давай-ка я отвернусь, и ты переоденешься, — решил он. — Подглядывать не буду.

И все же пару раз я поймала на себе его жадный пристальный взгляд. Гилберту, оказывается, доверять нельзя, что я ему и высказала.

– Тьфу ты! — обиженно протянул он, достал шарф и принялся завязывать им глаза. При этом он яростно втягивал воздух сквозь зубы, и я испугалась, как бы он их не проглотил.

– Теперь довольна?

Я легла в кровать. Мой палец сразу же попал в дырку. Нет, нога моя ни в коей мере не повинна в том, что эта тонюсенькая простынка легко, как лист бумаги, разорвалась пополам.

– Э-эх, единственная хорошая простынь!

Гилберт начал раздеваться, и я закрыла уши руками, лишь бы не слышать вылетающей у него изо рта брани.

– Гилберт, будь добр, выключи, пожалуйста, свет, — попросила я.

– Сейчас, вот только разденусь, — ответил он.

Любому воспитанному мужчине ясно, что именно по этой причине девушки, такие, как я, просят выключить свет. Я не желала, чтобы Гилберт напыщенным

павлином явился передо мной во всей своей наготе, как тогда, на Ямайке, во время нашей первой брачной ночи.

– Вот поэтому я и хочу, чтобы ты потушил свет, — объяснила я ему.

– Боишься, не оторвешь от меня глаз? — рассмеялся он.

Я не снизошла до ответа. Толку от выключенного света оказалось мало: на улице ярко горел фонарь. Любой бедный ямаец позавидовал бы такому внушительному потоку электрического света в ночное время! Гилберт, переодевшись, встал у кровати, дрожа от холода и подпрыгивая, чтобы согреться. Не дай Бог он хоть пальцем коснется моего одеяла — я так закричу, что слышно будет до самого Кингстона, подумала я. Интересно, кто громче скрипел: этот глупый мужчина, пока кутался в одеяла, или же ветхое кресло, в котором он все никак не мог устроиться.

Поначалу мне показалось, что это Гилберт чешется — подобное бесстыдство от него следует ожидать. Но потом услышала какую-то возню этажом выше.

– Слышишь?

– А? Что? — сквозь сон пробормотало это ничтожество.

– Слышишь, кто-то скребется?

– Это крысы.

Как будто так и надо.

– Крысы?!

– Ну, мыши...

– Ты пригласил меня в дом с крысами?

– Да мыши это! В Лондоне сейчас во всех домах мыши. Они ведь из-за бомб тоже лишились крова.

Но не могут же мыши так громко шуметь!

– Это правда мыши? — уточнила я.

– Ты что, не знаешь, — ответил он, — английские мыши бегают в сапогах.

Я кожей почувствовала, как он улыбается этой дурацкой шутке.

- Ты должен от них избавиться.
- Ладно.
- Прямо сейчас, Гилберт.
- Как это — избавиться от крыс прямо сейчас?
- А ты сказал, это мыши.
- Мыши, крысы — какая разница, все равно ночь на дворе. Что велишь делать?
- Сообщить об этом хозяйке.
- Да зачем ее будить среди ночи, говорить то, что ей и так известно.

Гортензия, спи давай, они просто скребутся, всего-навсего.

Заснуть ну никак не получалось: мыши, по всей видимости, затеяли перестановку. У меня перед глазами так и стояла картина: обутые в сапоги мышата двигают посреди ночи пианино.

- Гилберт, — шепотом позвала я.
- Да черт возьми! — взорвался он, схватил ботинок и швырнул им в потолок. Грызуны наверху разбежались.

Башмак приземлился Гилберту на голову, и муж вскрикнул от боли. Вот шут гороховый!

- Все возвращается на места свои, — отметила я.
- Ради Бога, Гортензия, спи, — взмолился он. — Обещаю, завтра все будет иначе.

Глава двадцатая

Гортензия

Я проснулась от того, что этот невоспитанный мужчина тормошил меня за плечо.

– Просыпайся, я сделал тебе чаю.

Встревожило меня отнюдь не резкое пробуждение — Гилберт, аки дьявол, извергал изо рта клубы белого пара.

– Мне пора на работу, — сообщил он. Пар валил, будто внутри у Гилберта пылал огонь.

Я натянула повыше одеяло.

– Да не буду я тебя трогать. Я спешу на работу.

Высунув голову, я увидела, что пар зависнул и надо мной. По голой щеке колючими иголками пробежал холодок, и только тогда я вспомнила, что нахожусь в Англии.

– Холодно сегодня, да? — спросил он.

Я окончательно проснулась и потихоньку задрожала: слишком тонкими были одеяла.

– На, выпей чаю, согреешься, — он поставил чашку на стол. — А мне на работу надо.

За окном еще стояла ночь. Странно, Гилберт никогда не упоминал, что работает по ночам. Он отдернул рваную штору, но света в комнате не прибавилось. А вот морозец зато ущипнул меня и за другую щеку.

– Уже утро.

– Утро? — удивилась я.

– Да, почти семь часов.

На улице ни малейшего намека на солнца, ни единой тени. Интересно, как в этой стране певчие птицы узнают, что им пора просыпаться и петь? Неужто Гилберт подносит и им по чашечке чая?

– Темно что-то, — сказала я.

– Зима. А зимой по утрам всегда темно, — объяснил Гилберт, опустился в кресло и принялся завязывать шнурок. — Да и вечерет рано. Темень стоит почти целый день. Бывает, глазом моргнешь — дня и нет, — задумчиво произнес он, обращаясь скорее к самому себе, нежели ко мне.

Я протянула было руку за чашкой, но сразу же спрятала ее обратно под одеяло: холод того и гляди с нее кожу сдерет.

– Камин я тебе разжег, — добавил он, кутаясь в свое большое темное пальто. — Погаснет — опустишь в счетчик монету. Справишься?

Я отвернулась и промолчала. Из нас двоих явно не он считался умнее.

– Вернусь в шесть. Было бы здорово, если б ты приготовила чего-нибудь покушать. В шкафу у мойки есть яйца и картошка. Сможешь сделать картофель соломкой?

Он произнес это так жалобно, что я едва не прослезилась.

– Ну конечно, — пообещала я.

И он ушел.

Глава двадцать вторая

Гортензия

Я надеялась, что Силия Лэнгли больше никогда меня не увидит. Интересно, что с ней сейчас... Нежится, небось, на солнце, обмахиваясь веером, и потягивает фруктовый пунш. А я встречаю свое первое в Англии утро, унылое и промозглое. По телу бегают мурашки размером с гору. Силюсь унять дрожь в зубах до того, что начинает сводить челюсть.

Англию я себе представляла совсем в другом образе.

Я решительно затаила дыхание, пытаюсь уловить пение птиц, — тщетно. Вчера комната показалась мне запущенной, но сегодня, в сером утреннем свете, она выглядела просто плачевно. Охотно обнажила еще кое-какие грязные тайны. На одной стене отвалилась штукатурка. Повсюду расплзлись черные трещины. На ящике комода не хватает ручки. В мойке нет лохани для умывания. А на оконном стекле — белые кружевные узоры. Это иней. Мисс Морган, директор колледжа, говорила мне, что иней в Англии распространен за окнами. Снедаемая любопытством, я дотронулась до него пальцем. И почувствовала, как от моего тепла прилипший к стеклу иней стал таять. Внутри комнаты, не снаружи! От этого камина нет никакой пользы: пламя, гудя, обдает жаром, только если стоять около. Всего какой-то дюйм в сторону — и тепло уже не достигает меня. Два дюйма — надевай пальто. Три — и стужа, как на улице. Нет, в такой комнате жить нельзя. Слышу, Силия Лэнгли смеется надо мной и с издевкой восклицает: «И все-таки, Гортензия, пути Господни неисповедимы!»

Ну и пусть смеется. Я открыла чемодан. Показалось по-карибски яркое, разноцветное одеяло, подаренное мне в Очо-Риосе¹² хозяйкой, у которой я остановилась перед отъездом в Англию. И в сумрачной комнате заплясали желтые и красные, синие и зеленые отблески. Я вытащила одеяло и расстелила

12 Очо-Риос — город-порт на северном побережье Ямайки.

его на кровати.

И о чудо — в эту самую минуту раздалось щебетание! Радостные залиvistые трели птицы, которая, как видно, заметила сквозь стекло эту яркость.

– Прекрати смеяться, Силия, — сказала я, — и просто смотри.

Я вознамерилась привести комнату в божеский вид, пускай проживу в ней всего ничего. Ведь Англия — это моя судьба.

Начала с мойки, полосатой, как карта, и пожелтевшей. Тщательно скребла ее с мылом, пока на лбу не выступил пот.

– Теперь твоя очередь, — обратилась я к смердящему ночному горшку, доставая его из-под кровати.

Вдруг в дверь постучали.

Я замерла. Даже сердце перестало биться.

– Есть кто дома? — спросил голос.

Я не ответила. Старалась не дышать, хотя вот-вот могла задохнуться. В дверь опять постучали.

– Есть кто-нибудь? — это была та женщина с первого этажа. Хозяйка дома, вчера вечером столь бесцеремонно глазевшая на меня. — Всего на пару слов. Можно?

Делать нечего, вежливость и хорошее воспитание побудили меня открыть дверь, самую чуточку.

Ее улыбающееся лицо вплотную придвинулось к щели.

– Пришла вас поведать, — промолвила англичанка. Ее светлые волосы напомнили мне о миссис Райдер. Вот она, в шляпке с перьями, едет в машине, а Майкл провожает ее взглядом. Я отогнала прочь это воспоминание. Оно в прошлом. А я сейчас в Англии.

– Гилберт на работе? — спросила англичанка. Она, как любопытная кошка, вытягивала шею, крутила головой туда и сюда, очень хотела заглянуть в комнату. — Я на первом живу. Помните меня? Я вам вчера дверь открыла. Вы ведь Гортензия, да?

В свой первый день в Англии я не хотела грубить, и ответила ей легким кивком.

– Что, кошка язык держит?

О какой кошке она говорит? Не хватало, чтобы в этой комнате с нами еще и кошка жила!

– Я миссис Блай, — продолжала англичанка, — но вы можете звать меня просто Квини. Как все другие. Будете звать меня Квини?

Очень походило, что она принимает меня за дурочку. Меня, хорошо образованную девушку!

– Вы потеряли кошку? — спросила я.

– Нет, — с нажимом ответила она, удивленно выпучив глаза, как будто я уже в десятый раз задала этот вопрос. — По-английски это выражение означает, что вы не очень разговорчивы... Все в порядке? Я подумала, не подняться ли к вам, спросить, как дела?

Я не хотела выглядеть дурно воспитанной, намерения англичанки, по всей видимости, были самые благие, хотя она меня порядочно озадачила этой чепухой с кошками. И я открыла дверь немного пошире, чтобы удобнее разговаривать. А она, однако, взяла и вошла в комнату. Без приглашения!

– Вы решили немного прибраться? Мужчине... е-е... ведь и в голову не придет, — и она стала озирать комнату. Расхаживает по ней, как у себя дома, сунула нос во все углы, словно проверить, исполнила ли я какие-то ее поручения. Увидела мойку.

– Да, потрескалась, но вы все же хорошо ее отмыли, молодец.

Раз уж она хозяйка и глядит на эту мойку, надо воспользоваться случаем и кое-что попросить:

– Скажите, пожалуйста, у вас случайно нет лоханки для умывания, которой я могла бы воспользоваться?

– Чего у меня нет?

- Лоханки, — повторила я.
- Простите, что?
- Мне нужна лоханка, чтобы ставить в мойку.
- Чтобы что ставить?
- Лоханку.
- Извините, не понимаю.

Я бы повторила еще раз, медленнее, но вдруг вспомнила другое подходящее слово:

- Мне нужна бадейка.
- Что-что вам нужно?

Бесполезно. Неужто я не по-английски говорю? Остается показать на ночной горшок, но, боюсь, она меня не так поймет. Что тогда будет? И я умолкла.

– Где вы это взяли? — спросила женщина, показывая на одеяло. — Очень яркое. Чтобы на него смотреть, нужны темные очки. — Одеяло явно ее забавляло. Англичанка тихонько засмеялась. — Вы его привезли с собой?

Забыв про одеяло, она подошла к камину. Наклонилась и протянула к нему руки, желая согреться.

– Сегодня окоченеть можно, — продолжила англичанка. — Не жалко, что покинули теплые края?

Я промолчала.

– Сегодня холодно, — изрекла она, как будто бы я оглохла. — Когда холодно, мы говорим: «окоченеть можно». Это выражение такое, как «кошка язык держит». Да вы к нашему языку скоро привыкнете, — заверила она, и опять протянула к камину руки.

– Благодарю вас, я очень хорошо говорю и понимаю по-вашему, — ответила я этой англичанке.

– Не за что меня благодарить, — откликнулась она, хотя в моем голосе не прозвучало ни нотки признательности. — Кстати, я бы могла вас многому

научить, если, конечно, захотите.

Она присела на стул и мне предложила сесть. Но ведь здесь-то хозяйка я! Это мне решать, когда ей входить, когда греть у камина руки, когда садиться. Это я, несомненно, могла бы кое-чему ее научить! Хорошим манерам, например.

Вдруг мне подумалось: «А может, в Англии всегда так? Может, все англичане себя так ведут?» И тогда я села.

– Да, правильно, — кивнула она, видимо, уверенная, что я снова ее не поняла. — Вы, гляжу, не очень-то разговорчивы, — добавила она.

Я не ответила. Сдержалась и не стала говорить, что она сама, по всей видимости, не понимает ни одного моего слова.

– Ну и как давно вы с Гилбертом женаты?

От такой откровенной наглости у меня сперло дыхание. Ей что, обязательно знать обо мне все? Я молча воззрилась на нее. Должна же она, наконец, понять, что ведет себя невежливо. Но она только повторила свой вопрос. Медленно, полагая, что я опять ее не пойму. Ну что ж, она своего добилась. Я не буду больше молчать, пусть она знает, что я получила хорошее образование.

– Я и Гилберт женаты почти полгода, — четко произнесла я.

– Полгода?

– Да, именно это я и сказала, — вымолвила я, округляя гласные, насколько позволяли щеки.

– Выходит, вы в браке всего полгода?

Я кивнула.

– Но Гилберт живет здесь уже месяцев пять.

Затем, наклонив голову, игриво добавила:

– А-а-а, так вы, значит, молодожены.

– Наверное, так.

– Вы сказали: «Наверное»? — удивленно спросила она. — Значит, вы не очень рады. Гилберт говорил, что вы знакомы не так давно.

Ах, вот оно что! Пожалуй, с этого негодника станется болтать в Англии всем и каждому о наших делах. Я промолчала.

– Я знала Гилберта во время войны, — продолжила англичанка. — Он вам не говорил?

Ей, может, и надо знать все обо всех, а вот меня учили быть осмотрительной, особенно когда имеешь дело с теми, кто считает, что золотой зуб красит человека. Англичанка заерзала на стуле, и он так заскрипел, что еще чуть-чуть, подумала я, и он рухнет. Но она не обращала никакого внимания на ветхую мебель. Сложила руки на животе, затем убрала их. Вздохнув, испустила тихий стон, как будто у нее что-то болело. На щеках и шее выступили ярко-красные пятна, образовав искусный узор. Я обеспокоилась, вдруг она попросит воды, ибо не знала, есть ли здесь стакан. Но все, похоже, обошлось, англичанка заправила за ухо выбившийся белокурый завиток и снова принялась за расспросы:

– Значит, не говорил?

Я не ответила. Эта беседа мне уже весьма надоела, к тому же, надо было еще многое сделать. К счастью, англичанка медленно поднялась.

Ну ладно, — сказала она, — если вам что-нибудь понадобится, позовите. Я буду у себя.

Соблюдая приличия, я встала, чтобы проводить ее до двери. Вдруг она с интересом посмотрела мне в лицо, прямо как маленькая девочка, приглашающая играть:

– Если хотите, можем пройтись по магазинами. Я вам покажу, где что продается.

– Благодарю, — ответила я тоном согласия, почувствовав к ней жалость.

– Нет-нет, не стоит меня благодарить, — обрадовалась она. — Мне не в тягость. Наоборот, хорошо, когда есть компания.

Я взялась за дверь, кивая и улыбаясь, совсем как слабоумная. Когда ж она оставит меня в покое?

– А там, откуда вы приехали, есть кино? Фильмы у вас показывают? — не унималась хозяйки. Неужто эта женщина думает, что Гилберт меня из бутылки вынул!

– Конечно, у нас есть фильмы... кинотеатры, — ответила я.

– Ну и как вам кино? Нравится?

– Меня всегда восхищали фильмы с Ширли Темпл.

Англичанка пронзительно расхохоталась. Клянусь, даже оконное стекло зазвенело!

– Ширли Темпл? Давно не видела ее на экране. Подумать только, вы там смотрите фильмы с Ширли Темпл!

Я опять промолчала.

– В общем, если хотите, можем сходить. В кино, а?

От возмущения у меня опять сперло дыхание. Что она хочет: дружить или вести себя дружелюбно? Непонятно, к какому типу белых женщин она принадлежит?

– Если пойдете в магазин, могу показать вам, как пользоваться талонами. Сложного ничего нет, надо только привыкнуть, — она вопросительно посмотрела на меня. — Вы понимаете, что я говорю?

– Конечно, — тихо ответила я.

– Отлично. Тогда стукните мне, я скажу, когда буду готова, — она положила ладонь на мою руку и, приблизившись почти вплотную, прошептала. — Не волнуйтесь, я спокойно могу пойти с вами по улице. Вы увидите, я не как большинство. Не вижу ничего плохого в том, чтобы ходить по городу с чернотой.

Почему это ее должно беспокоить? Если уж на то пошло, я — учительница, а она женщина, которая зарабатывает на жизнь тем, что сдает комнаты. Меня это должно беспокоить. И что значит «чернота»? Я растворила дверь, учтиво ее придерживая, и еще раз сказала «благодарю» в надежде, что англичанка

поскорее уйдет.

– Не надо меня все время благодарить.

Опять она не так поняла.

Тут я вспомнила, что хотела спросить ее об одной очень важной вещи, которая беспокоила меня с той самой минуты, как Гилберт захлопнул за собой дверь. Момент был самый, что ни на есть, подходящий. Я подождала, пока хозяйка выйдет в коридор, чтобы не было у нее соблазна вернуться на насиженное место, и спросила:

– Простите, можно задать вам вопрос? Не могли бы вы подсказать мне, — я подняла голову и посмотрела ей прямо в глаза, — как готовить картофель соломкой?

Глава тридцать первая

Гортензия

– Это не соломка, — заявляет мне Гилберт Джозеф. — Тебе что, мама не рассказывала, как готовить картофель солодкой?

– Моя мать, — отвечаю я, — учила меня благодарить Господа Бога за хлеб, который он нам дает.

– Интересно, как бы она заговорила, увидев вот это...

Опять он ворчит. Недовольно смотрит в тарелку, будто ничего омерзительнее ее содержимого в мире нет.

Что бы я ни сделала в его жалкой комнатке — все плохо. Убрала с вешалки хлипкий гилбертов костюм: весь день болтается на стене, и мне блазит очертание мужчины. Этот пустой костюм наблюдал за мной! Клянусь, краем глаза я видела, как он шевелит рукавом или штаниной. Но стоило повернуться к нему — и он замирал. Точно угрожал мне. Поэтому и отправился в комод. А Гилберт разозлился. Зачем я его трогала?! Он же помнется! Это его парадный костюм! Выпятил нижнюю губу дальше некуда: впору наклеить на нее почтовую марку.

– Хочу образить твою комнату, — пояснила ему я.

Оказалось, пол тоже нельзя мыть:

– Сейчас же встань с колен! — гневался Гилберт.

Бог свидетель: Гилберт Джозеф — безмозглый болван.

– Как можно не знать, что такое картофель солодкой? — удивляется он. Взял рукой горячий кусок картошки и сует мне. Каждый дурак ведает, так и обжечься можно. Гилберт, конечно, картошку уронил и ну дуть на пальцы. Я говорю, англичанка с первого этажа уверила меня, что это и есть соломка.

– Ты разговаривала с Квини?! — вытаращился он.

Она-то мне и рассказала, как делать картофельную солодку — надо просто мелко порезать картофель. Раза два повторила, что сначала надо снять кожуру.

И вот, следуя ее наставлению, я порезала надвое мелкие ирландские картофелины и опустила их в кастрюлю с водой. Готовить можно только на одной малепусенькой конфорке в камине — на нее я и собиралась поставить картошку.

Тут как раз Гилберт вернулся с работы. Не снимая пальто, направился прямо к камину. Мороз, похоже, прочно к нему пристал, и все, что было у него пути, содрогалось от холода. Гилберт подвинул к огню стул и воссел на него, заслонив собою газовый камин, как туча застит солнце. А ведь мне надо готовить: конфорка помещается аккурат посреди языков пламени! И никак это чудовище не обойти.

– Подвинься, — попросила я.

– Зачем?

– Готовить неудобно.

Он отставил ногу чуть влево и ответил:

– Проходи.

– Не могу. Будь добр, пересядь.

Он лишь втянул воздух сквозь зубы и положил ноги на каминную полку.

– Посиди на кровати, пока я готовлю, — предложила я.

– Я замерз.

– Но мне твои ноги мешают!

Он смежил веки — так я ему надоела. Вид у него по-прежнему был надутый.

– А ты лезь под ними.

– Еще чего!

Это создание не может спокойно созерцать, как его жена, моя пол, ползает на коленях, но ему ничуть не совестно, когда она пляшет у него под ногами лимбо¹³, готовя ужин!

– Я только что с улицы. Хочу согреться, — сказал он, указывая мне путь

¹³ Лимбо — танец-соревнование, возникший на о-ве Тобаго. Танцор, двигаясь в ритме карибских напевов, проходит под горизонтальной планкой, стараясь ее не задеть.

под своей большой ногой. — Тут ты вполне можешь пройти.

– Нет, переседь.

Шут этот, однако, не внимал мне. Соболаговолил только поднять ногу повыше.

Вскоре он задремал. Так и сидел, опершись головой на руку и раскрыв рот. А я давай ползать, как испуганная собачонка, под самыми его пятками. В руках кастрюля воды с картофелем. Помешивала, чтоб не подгорело. Нагибалась, извивалась, горбатилась.

Наконец ужин был готов, и я потрясла Гилберта за плечо. Он зашевелился, разомкнул глаза и уставился на меня так, словно видел впервые.

– Может, снимешь пальто? — спросила я.

– Нет.

Я пригласила его к столу и опять услышала «нет».

– Кушать надо за столом, — не выдержала я.

– Ешь, где угодно, мисс Сама-воспитанность. Мне там холодно.

Он протянул руку за тарелкой. Посмотрел в нее и спросил:

– Это что?

Я не ответила.

– Гортензия, что это за блюдо?

Англичанка поведала, что в Англии картофельную соломку любят подавать с яйцом. Я возрадовалась: в колледже я научилась варить яйца на манер англичан. Четыре минуты в кипящей воде. И соломку Гилберт получил с яйцом. Я сначала намерилась снять скорлупу, да тут вздумалось мне поглядеть, как муженек мой будет его есть. На уроках домоводства мисс Генри показывала нам, как подобает обращаться с яйцом. Отсечь верхушку ножом. Ни в коем случае не стучать по скорлупе ложечкой. Хлеб в желток макают разве что невежи.

– Что это? — повторил Гилберт. Яйцо тем временем каталось по тарелке.

- Картофельная соломка с яйцом.

Гилберт впери́л в меня непроницаемый взор. Молчит, слышится лишь его дыхание. Наконец, снизошел:

- Совсем, оказывается, готовить не умеешь.
- Кушай, — разозлилась я, — а то яйцо окоченеет.

Гилберт опустил голову, провел рукой по подбородку и переспросил:

- Чего?
- Как же так: провел тут столько и не знаешь, что такое «окоченеть»?

Остыть. Ешь, а то остынет.

Он что-то забубнил, явно поминая всуе имя Господне.

- Пустяк вроде картофельной соломки и то сготовить не можешь!
- Неблагодарный ты, Гилберт Джозеф!
- Она должна быть жареной, — продолжал он, яростно тыча в соломку.
- Да как ее жарить, коли ноги твои мешают?
- Все, убрал! — вспыхнул Гилберт. — Убрал, гляди! Враз готовить научилась?

Я отвела глаза, встала из-за стола и пересела на кровать. Еще чего — плакать из-за этого грубияна. Негодяй Гилберт ни слезинки не узрит! Он и не замечает, что в комнатухе прибрано. Не видит, что ножка его драгоценного кресла покоится не на Библии, а на деревянной коробке. Что кровать застелена красивым покрывалом. Не видит, что я мойку почистила, стены отдраила. Ковер выбила. Посуду помыла и убрала. Скатерть на стол постелила. Куда там! Сидит себе, загородил телесами камин, от пальто дым валит, как из драконовой пасти. Невыносимо! Это мне жаловаться надобно. А не ему красноречиво вздыхать.

- Давай научу соломку готовить, — повернувшись в мою сторону, предложил он.

- Без тебя справлюсь, Гилберт Джозеф.

– Как хочешь, мисс Повареха-неумеха.

Ожидания мои сбылись: Гилберт постучал по яйцу ложкой, скорлупа растреснулась на мелкие кусочки, и он принялся их отколупывать. Тут я, хоть и сидела далеко, учуяла душок. Такой, как в жару от зловонного сточного желоба.

– Фу, да оно тухлое! — вскочил Гилберт.

– Сам виноват. Не я его покупала.

Гилберт швырнул тарелку об пол. Соломка рассыпалась, вонючее яйцо растеклось по ковру.

– Надоело! С меня хватит! — выкрикнул он на весь дом. Вылетел из комнаты, в сердцах хлопнув дверью, аж кресло с коробки съехало.

Глава тридцать вторая

Гилберт

Знать, Элвуд был прав. «Оставайся на Ямайке, — просил он. — Оставайся и воюй здесь, и поимеешь, чего хочешь». На что же сейчас взирает друг детства на том карибском острове? Сидит на веранде и таращится на ямайский закат, заходит солнце и небо переливается багровым, оранжевым, синим, розовым. Задерет усталые ноги и вздохнет. Вот всосался в сметанное яблоко¹⁴, липкий сок течет по подбородку, в зубах застряла жирная мякоть. Поют цикады. Жара маленько начинает спадать. Его рука лениво тянется к имбирному соку с медом, мамаша сварганила.

Кличет своего друга Обри, зовет к себе. Сидят, отдыхают на веранде после долгого дня, вспомнили одну шутку. Языки чешут, прихлебывая сок, и вот духовитый ночной воздух сотрясается от гогота.

А знаете, что за шутка? О Гилберте Джозефе. Надо мной потешаются. Вон он я, иду по лондонской улице, холодный дождь колет меня иголками. Вжал голову в плечи, обхватил себя руками, того и гляди стужа прикончит. Идти некуда — токмо бы подальше от этой лачуги и женщины, ставшей моей супругой; остается одно — вновь преодолеть океан и славить унижения и оскорбления, коими награждает метрополия. Но потешаются не надо мной одним. Все мы, бывшие служащие Королевских военно-воздушных сил, воображали, что все нам известно об Англии, хвалились этим домоседам, что нас там ожидает. Пасть льва, может, и разверста, заявляли мы, да все его клыки сосчитаны. А сейчас, увы, мы, бывшие солдаты, начали ощущать его укусы.

Вот, примерно, Юджин. Этот кроткий человек шел себе по своим делам, как вдруг перед ним споткнулась и упала пожилая дама. Он бросился к ней, протянул ей руку. Мягко так сказал: «Позвольте вам помочь — вставайте. Не

¹⁴ Сметанное яблоко (аннона колючая) — вечнозеленое плодовое дерево с широкими листьями, один из ценнейших тропических сортов. Плоды употребляются в свежем виде, на их основе делают освежающие и слабоалкогольные напитки.

зашиблись?» Глянула на него эта милая англичанка, да как закричит. Будто режут, аж полицейский прибежал. И Юджина задержали. В чем обвинили? В нападении на пожилую женщину. Юджин парился в камере, отошал, пока дама наконец не прояснила дело.

Кертис — набожный христианин. Ему сказали не ходить больше в общинную церковь, с эдакой темной кожей там не молятся. От обиды он чуть язык не проглотнул.

А Луи. Ему почудилось, что «чертовчужак» — одно слово. Ведь эти слова, как и «закадычные друзья», он ни разу не слышал по отдельности.

И, наконец, Гортензия. На ее лице все еще стынет высокомерие. Сколько еще ее подбородку торчать ввысь? Она ведь совсем недавно сошла с корабля, Англия ее пока еще не обманула. Что ж, ждать осталось недолго. Все мы, горюны-мечтатели из Вест-Индии, плыли сюда с головой, набитой бреднями. Вот и стали посмешищем для моего башковитого кузена.

Иду я по улице. Разочарование крепко вцепилось мне в горло, и мечта моя задыхается. Вдруг слышу, сзади мне что-то крикнули. Внимания не обратил. Вопль удивления... какой темнокожий в Англии обернется на него? Но он повторился, слышу слова: «Извините, постойте!» По тротуару зацокали каблучки. Я остановился и, медленно развернувшись, увидел спешащую ко мне миниатюрную женщину. Запыхавшаяся, она приветливо подняла на меня глаза. Женщина немолодая, лет сорок-пятьдесят: в неясном свете фонаря точнее не скажешь. Но улыбка от всего сердца.

— Это, наверное, вы обронили, — она протянула мне черную перчатку. На мою вроде бы не похожа, и все же, растроганный, я взял ее.

Раскрыл рот, да не смог вымолвить ни слова благодарности. Еще раз попробовал — вышло беззвучное «спасибо».

— У вас что-нибудь случилось? — спросила женщина.

На глаз мой навернулась слеза, и по щеке поползла мокрая зудящая струйка. Я вытер ее.

– Как вы себя чувствуете? — не отрывая взгляда, она потрепала меня по руке. — Небось, замерзли. Ночь-то холодная.

– Да, — сказал я. Рука моя таяла от ее нежного прикосновения.

– Вот, — она покопалась в кармане и извлекла оттуда кулек, — угощайтесь.

Кулек был полон леденцами.

– Ну, не стесняйтесь, — тряхнула она кульком.

Я сунул в него руку. Карамель внутри превратилась в твердый липкий комок. Англичанка притянула кулек к себе.

– Ой, да они слиплись, — она извинилась и принялась разламывать содержимое, не вынимая его. — Это леденцы от кашля, они всегда слипаются. Извините. Но они помогут вам согреться.

Она снова протянула мне леденцы. Я взял один.

– Возьмите еще. На потом.

– Нет, спасибо, одного хватит.

– Ладно, пойду домой, — женщина тоже взяла себе леденчик и сунула его за щеку. — Где ж еще быть сегодня вечером, — пояснила она, посасывая леденец, и снова коснулась моей руки. — Не отчаивайтесь! Все в жизни к лучшему.

Я чуть не вечность простоял, уставившись на леденец. Зачем-то вынул из кармана платок и завернул в него. Есть это сокровище я не собирался. Для меня наступило спасение, и дело не в сладости, а в добром поступке. Ко мне проявили участие. А я изголодался по добрым людям. Радовался любому чуткому сердцу. Мы все, я и мои товарищи, жили в этом неблагодарном месте. И когда находили тепло, старались его не потерять. Меня спасли искренний поступок, ласковое слово, прикосновение, липкий леденец — как будто эта англичанка вытащила меня тонущего из моря.

Я вернулся в свою комнатку с двумя порциями рыбы с картофельной соломкой, для себя и Гортензии. Она так и сидела на кровати. Ее лицо, хоть

минуло столько времени, хранило злобную нахмуренность.

– Смотри сюда, мисс Грязнопятка, — сказал я, — я принес нам рыбу и картофель соломкой.

Она сильнее прижала руки к груди, и только глазищи ее оборотились на меня. Я достал две тарелки — они стопкой стояли в буфете.

– Знаешь, что англичане делают? — спросил я, разворачивая еду и выкладывая ее на тарелку. Само собой, она не ответила, да этого и не требовалось. — Едят прямо с газеты. Без тарелки. Без ничего.

Я знал, что эта женщина с манерами леди, услышав о таком варварстве, не сможет удержаться. Она с ужасом и недоверчиво вперилась в меня.

– Да, с газеты! Значит так, урок номер один, мисс Грязнопятка. Это картофель соломкой. — Я протянул ей ломтик на вилке. Она цапнула его и с жадностью проглотила. — А теперь урок номер два. Ты внимательно слушаешь? — я нагнулся к ней, как бы хотел поделиться секретом. Она заморожено, как слушают сплетню, не сводила с меня глаз. — Не все, — прошептал я, — не все, что делают англичане, прекрасно.

Глава тридцать третья

Гортензия

Миссис Блай, или попросту Квини, как она просила ее называть, вышла из своей комнаты, кутаясь в какую-то нелепую шерстяную хламиду, которую я приняла за домашний халат. Передумала она, наверное, насчет обещанного похода по магазинам. Мне захотелось как-то смягчить неловкость, ведь это могло бы быть разочарованием для меня. И я ей сказала:

– Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Я и сама найду эти магазины.

Ее ответ меня поразил:

– О чем это вы? Я готова. — И с этими словами она захлопнула за собой дверь.

Так значит, это ужасное одеяние, принятое мною за халат, на самом деле — пальто! И в нем, по ее мнению, можно выйти на улицу. Неужели она не видит, что оно безобразно, да еще и малó ей! Миссис Блай принялась усиленно бороться с пуговицей — та никак не застегивалась. Наконец одолев ее, она презрительно оглядела меня с головы до ног. Я была одета, как должно быть одетой девушке в Англии, собравшейся идти по магазинам. Пальто почищено. Шляпка, выстиранные перчатки. Но миссис Блай выпучила глаза, будто в моем наряде было что-то не так. Затем напонила:

– Мне все равно, что скажут кому делать нечего. Не волнуйтесь, я спокойно могу пойти с вами по улице.

Так ведь это она, молодая англичанка, не я, вышла из дому нивесть в чем, не удосужилась надеть брошь или другое украшение, перчатки или шляпку, чтоб хоть немного принарядиться.

Представьте теперь мое удивление: выйдя на оживленную улицу, я вдруг увидела, что все англичанки идут в таких же невзрачных халатах. Ни единой яркой краски, чтобы порадовать глаз, — как будто Господь-бог лишил этот край радуги. Все серое и тусклое. Но вскоре я стала различать в однотонной

толпе цвета, которые удивили меня. Поразительное разнообразие оттенков кожи лица! Я ни в одной книге не читала, и учившие меня педагоги никогда не упоминали, что существует так много типов англичан. На Ямайке все англичане выглядели, как мои учителя в колледже. Волосы светлые, цвета печеного хлеба. Лица красные, опаленные солнцем. Даже от зажиточного ямайца отличить англичанина легче легкого. Но здесь, в Англии, цветов кожи столько, что остается лишь недоумевать. Растерянно озираться по сторонам.

– Вот магазины, — возгласила миссис Блай.

Пояснение этой женщины меня не задело, пускай думает, будто я не догадываюсь, что дом со снедью на витрине — это магазин. Вниманием моим завладела женщина, стоящая рядом с нами. Волосы черные, как сажа, кожа не светлее моей — цвета темного меда. За руку держит мальчика с такими же черными волосами. Поймав мой озадаченный взгляд, ребенок толкнул женщину локтем, и оба уставились на меня своими голубыми глазами.

– Этот магазин называется бакалея, — сказала мне миссис Блай.

Я кивнула. А что еще это может быть, раз в витрине лежат бакалейные товары? Я все ждала, что голубоглазая женщина с черными волосами заговорит. Интересно: англичанка она или нет?

– Давайте зайдём, а? — предложила миссис Блай.

Женщина с мальчиком пошла в магазин, и предложение миссис Блай меня очень обрадовало. Сосредоточенно изучая прилавок, женщина спросила у продавца:

– Сыр сегодня есть?

Гладкий, безупречный английский, высокомерная интонация. Я так рот и разинула. Первый раз видела столь темнокожую англичанку! Окажись она на Ямайке, даже сведущие пожилые мужчины не могли бы сказать, откуда она родом.

Заметив на моем лице изумление, Миссис Блай принялась объяснять:

– В бакалее можно купить молоко, яйца, сахар, кукурузные хлопья,

печенье, и всякое такое. Вам яйца нужны? Может, бекон? Многие продукты все еще дают по талонам, но почти все, что нужно, здесь есть... Значит, запомните, это — бакалея.

А вот у продавца, который что-то отвечал черноволосой женщине, волосы рыжие. Лицо все в мелких, красных веснушках, как птичье яйцо. Шотландец. Определенно. На Ямайке только у шотландцев такие рыжие волосы. Но нет. Оказалось, англичанин. Англичанин, а рыжий.

– Что вам угодно? — обратился он прямо ко мне.

– Он спрашивает, будете ли вы что-нибудь брать, — пояснила мне миссис Блай.

Она опять проявила участие, так что, приличия ради, я спросила у продавца банку сгущенного молока.

Но этот рыжеволосый мужчина уставился на меня, как будто я не произнесла ни слова. В глазах у него не было ни искорки понимания.

– Прошу прощения? — переспросил он.

– Сгущенное молоко, — пять раз повторила я, а продавец все с недоумением на меня глядел. Ну почему в этой стране никто не понимает мой английский? В колледже я восхищала моим произношением всех. Пришлось показать на полку прямо над ним — там стояла эта несчастная банка.

– Ах, сгущенка, — наконец понял он.

Это глупое светопреставление мне надоело, поэтому я, не утруждая себя, просто показала продавцу на ломоть хлеба. Он обхватил его своей огромной рукой, растопырив веснушчатые пальцы. Я опешила. Как можно есть хлеб после этого рыжего?! Он еще и нос рукой вытирает! Протянул мне ломоть, но я не взяла, продавец обязан положить его в пакет — чтоб было в обертке.

– Держите, — настойчиво тряхнул он ломтем, и я разглядела у него под ногтями грязь. Хлеб забрала миссис Блай и положила ко мне в сумку — вот и еще одна грязная рука прикоснулась к моему куску.

– Это хлеб, — на всю бакалею сказала она.

Уж не считает ли она меня идиоткой, которая не знает, что такое хлеб? Но ум мой не мог поверить тому, что видели мои глаза: англичане вот так покупают хлеб! Рыжий продавец пригладил волосы и вытер руку о белый в грязных пятнах халат. Что ж он ломоть-то не лизнул, прежде чем дать его мне?

– Он хлеб не завернул, — прошептала я на ухо миссис Блай.

Она не ответила: закатила на пару с продавцом глаза к потолку, пока я отсчитывала деньги.

Миссис Блай учила меня методично. Рассказала, что магазин с окороком на витрине называется мясным. С милыми розовыми пирожными — булочная. И каждый раз она требовала повторить название магазина.

– Да знаю я, у нас на Ямайке такие же, — отвечала я ей.

Она кивала. Говорила «хорошо». Когда подошли к витрине с рыбой, она промолвила, это рыбный магазин.

А в магазине ткани первой заговорила я:

– Это тут вы покупаете ткань?

Ступить в магазине было некуда. Там-сям на полу разбросаны рулоны ткани. Одни грязные. У других ткань порвана или захватана. И среди этих рулонов на четвереньках ползают две пожилые женщины, а продавщица сидит себе за прилавком и мечтает. Разве можно так обращаться с новыми тканями?! На Ямайке, поведала я миссис Блай, рулоны выкладывают аккуратными рядами, чтобы удобней было рассмотреть рисунок и цвет. Выбрав подходящую ткань, мы указываем на рулон продавщице, и она отмеряет нужный нам кусок.

– У вас там что, есть магазины тканей? — удивленно спросила она, хотя вроде бы слушала меня внимательно.

– Три таза! Зачем вам три таза?! — кричала миссис Блай на всю скобяную лавку. Я мягко ей пояснила, что в одном буду мыть овощи, в другом — посуду, а третий использовать для умывания.

– Нет, — возразила она, — вам хватит и одного. Вымоете — и порядок.

Как может англичанка полагать, что я стану использовать для умывания тот

же тазик, в котором моют овощи?! Невероятно. Неужели миссис Блай считает это в порядке вещей? Я прямо дар речи потеряла. А продавец, хоть я и просила три таза, все равно достал только один. Ладно, ничего страшного. Надо запомнить адрес и вернуться сюда уже без этой кумушки, которая любит совать нос в чужие дела. Но тут вдруг мое внимание привлекла женщина с коляской.

Ни разу в жизни я такого не видела! Кудрявые волосы, воздушные, белые и легкие, словно мыльная пена. Бледная кожа, по сравнению с которой белая бумага покажется грязной. Веки, ресницы, даже губы будто обесцвечены. В венах, должно быть, течет молоко. Я не смогла удержать в груди изумление.

– Эта женщина такая белая! — вырвалось у меня. — Она англичанка?

– Что вы уставились, это неприлично, — нервно одернула миссис Блай. Затем, искоса взглянув на женщину, ответила: — Ну да, англичанка.

– Но она такая белесая!

– Пóлно глупостей, — устыдила она меня.

Рядом с этой неземной женщиной лицо миссис Блай можно даже назвать смуглым. Из коляски вдруг высунулся светловолосый малыш и своим пухлым пальчиком ткнул в моем направлении.

– Мам, мам, смотри, черная женщина! — закричал он.

Белая женщина пустыми глазами посмотрела на меня. Кто из нас двоих оказался в большем потрясении? Мы уставились друг на друга, будто невидаль какую лицезрели. Женщина чуть не въехала коляской в фонарный столб. Потом наклонилась к сыну и нравоучительно сказала:

– Джорджи, не показывай пальцем. Она не черная. Она цветная.

Тут с противоположной стороны улицы донеслись крики. Грубые и наглые. Орала три молодых парня, подперев собой стену и сложив руки рупором. «Чучело, чучело!» — различила я. И затем: «Эй ты, обезьяна!»

– Не обращайтесь внимания, — сказала миссис Блай.

– Это они мне? — спросила я.

– Гортензия, не останавливайтесь.

Но мне захотелось взглянуть на их лица. Посмотреть, что за англичане ведут себя так грубо.

– Да, ты, чернота! С тобой разговаривают, — все трое подбежали к обочине, размахивая руками, как шуты.

Миссис Блай нервничала страшно и даже дернула меня за рукав, когда я отозвалась: «Грубияны!» Один из парней швырнул в нас недоеденную булку, и она попала прямо по плечу миссис Блай.

– Пожалуйста, не останавливайтесь, — взмолилась она. — Быстрее! — От булки на ее пальто осталось масляное пятнышко.

– Подождите, они пальто вам испачкали! — я хотела его отчистить, но миссис Блай крепко меня схватила, так что пришлось следовать за ней.

Мы почти дошли до Неверн-стрит (оставалось лишь завернуть за угол), и миссис Блай, потерявшая было самообладание после встречи с невежами, взялась наставлять меня хорошим манерам. Я, как гостя в этой стране, должна уступить местному жителю тротуар, если там нет места для нас обоих, и сойти на проезжую часть.

Не веря ушам своим, я переспросила:

– То есть, это я, женщина, должна пойти по перегруженной дороге?

Миссис Блай кивнула.

– А если там будет лужа, мне что, в нее надо окунуться?

Она, по всей видимости, стала обдумывать такое вероятие, как вдруг, взглянув вдоль Неверн-стрит, внезапно остановилась и вдохнула. Резкий вдох как бы ударил ее в грудь, и она пошатнулась. На мгновение замерла, краска сошла с щек, будто вся кровь вытекла из ее тела. Поблизости не было ничего, что могло бы повергнуть ее в шок. Разве что мужчина, стоявший у двери нашего дома, спиной к нам. Миссис Блай медленно показала на него пальцем. Жест этот стоил ей таких усилий, что она рухнула на меня. И оказалась на удивление тяжелой. Держать ее мочи не было, поэтому пришлось осторожно

посадить ее на тротуар. Мужчина тем временем повернулся к нам и, щурясь, вглядывался в миссис Блай, которая все бормотала: «Бернард? Бернард?»

Глава тридцать четвертая

Квини

Я бы из тысячи ее узнала, бернардову шею. Узкая и костлявая, как щиколотка, оттопыренные уши. Увидев меня на тротуаре, Бернард пошел ко мне. Шляпа. Белый воротничок. Габардиновый макинтош, пуговицы застегнуты, ремень тоже. Поравнявшись со мной, он учтиво приподнял шляпу, будто встреча произошла по чистой случайности. А я сидела на тротуаре, без сил, и виной всему — появление мужа, с которым мы не виделись почти пять лет.

– Бернард, ты долго отсутствовал, — выдавила я.

Он ответил всего-навсего:

– И правда.

Вот так вот. «И правда». Негусто.

Последний раз, когда я видела сзади его шею, ее стягивал синий воротничок Королевских военно-воздушных сил. Бернард уходил по улице, отправлялся на заморскую службу, в Индию. Тогда была война, потом победа; мир перевернулся с ног на голову. Я так долго ждала его, что спокойно приняла бы официальное известие о его смерти. Но вот он стоит передо мной. Приподнял шляпу и улыбается. Чертовщина, право слово! И я потребовала:

– Это не объяснение. Если ты, Бернард Блай, и впрямь живой, потрудись рассказать обо всем подробно.

Глава сорок шестая

Бернард

Я ждал, что Квини будет ошеломлена. Разве имел я право ее винить? Муж восстал из мертвых. Но я не предполагал, что смятение так впечатается в уголки ее губ. Она сидела, обхватив руками живот. Безмолвная. Бледная. Дрожащая. С покрасневшими глазами. Постаревшая. Измученная. Прибавила в весе. В начале войны она увядала у меня на глазах. День за днем. Многие мужья, не я один, оказались бессильны перед подобной невзгодой... Небольшие округлости ей шли.

– Как папа? — спросил я.

Она вдруг зарыдала. Уткнувшись лицом в руки. Я хотел погладить ее по голове — она вскочила. Принялась утирать нос рукавом. Не поняла, что я лишь старался ее успокоить. Думал, задам невинный вопрос. А она давай метаться по комнате, как умалишенная.

– Ох, Бернард, я тебе писала...

Почта работала плохо. Многие на это сетовали. Нас же перебрасывали часто. В Индии письма до нашего ремонтного отряда могли идти месяцами. Некоторые так и не доходили: случались какие-то недоразумения. Следующий вопрос дурацкий, знаю, задавать не стоило, и все-таки я не удержался:

– С ним что-то случилось?

– Бернард, тебя так долго не было...

Безусловно, я обязан ей все объяснить. Но попробуйте-ка рассказать о снеге тому, кто всю жизнь прожил в пустыне. Описать синий цвет слепцу. Слов подобрать почти невозможно. С чего начать?

С тех пор, как мой корабль вернулся в Саутгемптон, минуло больше двух лет. Не спорю, можно было и быстрее оттуда сюда добраться. После демобилизации я отправился в Брайтон. Нашел комнатку в прибрежном пансионе. Хозяйку звали миссис Фелиция Радостли. Несчастливая женщина. Но

тактичная. Или, по крайней мере, до такой степени нелюбезная, что не задавала лишних вопросов. Словом, я вел себя, как мне заблагорассудится.

Англия съежилась. Стала меньше, чем когда я ее покидал. Улицы, дома, магазины давили — они тесно толпились, скрадывая слабейшие лучи света. Отдушину я находил, только глядя в море.

В каждом увиденном мною лице таились воспоминания о войне. То охраняемые улыбкой. То хмурым взглядом. Никто не был обделен. У каждого своя беда. Саднит, где дотронешься. И никому нет до тебя дела. Вот этому парню еще хуже. Вон у того все куда трагичней. Исцеление приносила лишь тишина.

Я ни разу не усомнился, что поступаю правильно. Даже в те дни, когда тяга к семье по силе равнялась голоду. Хотелось лежать рядом с Квини. Сидеть с папой. Разглядывать памятные сердцу вещи. Я понятия не имел, когда мой позорный недуг унесет меня на тот свет. Мысли не было пойти к врачу или принимать таблетки — так я стыдился. Боялся повредиться в уме. И натворить что-нибудь.

Но, ожидая смерти, я выздоравливал. Нашел работу — в кафе, убирать со столиков. Опустив голову, просто делал свое дело. Владельцу, довольно мутному малому, понадобилась помощь по счетоводству. Он чуть от счастья не лопнул, когда его никчемный официант пришелся кстати. Здорово ему помог. Он рассказал обо мне друзьям. Многие вскоре начали прибегать к моим услугам. Хороший получился бизнес. Все неофициально, но на постоянной основе. Из кафе я ушел. Двойная бухгалтерия кормила меня и поила.

Естественно, я отыскал дом Макси. Недалеко от вокзала. Скромный. Бледно-голубого цвета. Эркерное окно занавешено толстенным желтеющим тюлем. Я часто проходил по той улице. Вместо меня шаги отмерять по ней должен был Макси. Спешить на работу. В паб — пропустить пару пинт. В парк — играть в футбол. Или в крикет. А может, с семьей на воскресную службу.

Поблизости располагалось церковное кладбище. Я присел на лавочку. Вот

оба его сына выбегают из дома. Его жена, защищаясь от ветра, кутается в платок, просит мальчиков подождать ее. Те, галдя, летят по улице. Карабкаются на стены и проходят по ним, как канатоходцы. Младший, поравнявшись со мной, уронил игрушечную машинку. Я ее поднял и протянул ему. Он слегка улыбнулся, глядя прямо на меня. Вылитый отец. Его плоть и кровь. Мальчуган схватил машинку и убежал... Макси младшенького своего так и не увидел. А я как мошенник — подсуетился и люблюсь семьей Максимильяна вместо него.

Приложение 2

Текст оригинала